

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Средство от депрессии

Такие разные «попаданцы»

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч-49

Чернышева Анна Анатольевна

Средство от депрессии : такие разные «попаданцы» : рассказы / Анна Чернышева ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 74 с. : ил., портр.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки –
рисунок Светланы Кротовой (Нижний Новгород) «Проход»

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». В 2010 году КЛФ «Контакт» выпустил книжку исторических и фантастических рассказов Анны «После дождя», а в 2014 – роман «Чужие боги». Член Российского Союза писателей.

Танюша

Танюша Михайлова – молоденькая, немного располневшая девушка, в пёстром летнем сарафанчике с тоненькими ляпочками и кружевной оборкой, с ногами забралась на диван, крутила на пальце и без того кудрявую прядь волос, склонилась над книгой, внимательно разглядывала репродукции картин Бориса Валеджо, произнесла мечтательно:

– Вот бы попасть в такой прикольный мир! Драконы, фантастика...

На картинах хищные монстры угрожали эффектным полуголым девицам, вооружённым луками и мечами.

– Гадость какая! Нет! Не нравятся мне эти страсти...

Девушка наморщила курносый носик, решительно захлопнула книгу, с неприязнью отложила подальше от себя. Подумав, встала, взяла с полки другой сборник репродукций «Государственная Третьяковская галерея».

– Здесь-то сюжеты поспокойнее.

Лениво полистав страницы, Таня открыла Айвазовского.

– Ух, ты! Море – как настоящее! – восторженно подивилась девушка.

– А страшно, наверное, в такой шторм!

Перевернула страницу, заворожено уставилась на «Девятый вал».

– Какая волна! Вот силища... а люди-то, люди какие маленькие, беспомощные, – шептала она.

Впечатлительная девушка не сводила глаз с репродукции, склонилась над ней и...

Горько-солёная волна ударила в лицо, захлестнула с головой.

– Помогите!

Голос потонул в морском рёве.

– Помогите! Я не умею плавать!

Девушка бестолково лупила по воде руками. Волны безжалостно швыряли её из стороны в сторону. Вода попадала в рот, в нос, слепила глаза. Сквозь брызги и пену Таня различила людей, отчаянно цеплявшихся за толстый обломок мачты.

– Помогите!

Её заметили, замахали руками.

– Сюда! Сюда!

Девушка барахталась в воде, старалась, мучилась, но спасительная мачта не приближалась. Волны кипели вокруг. Страшная бездна тащила на дно.

– Сюда! Сюда!

Спасение было так близко, так реально. Невероятным усилием Таня дотянулась до обломка, приподнялась над водой. Люди уже тянули руки.

– Помогите, – могла лишь едва слышно прошептать девушка – в последней надежде.

Но лица людей искажил ужас.

– Женщина! Здесь! Откуда?!

Протянутые руки стали отталкивать её.

– Прочь!

– Прочь!

– Все наши беды из-за тебя!

– Сгинь!

Её пальцы, уже вцепившиеся было в мачту, стали отцеплять, и её грубо отшвырнули обратно в воду, в бездну, в отчаянье.

Сил больше не было. Сопротивляться, плыть. Куда? Зачем? Таня перестала двигаться, закрыла глаза...

Жуть, холод, вода вдруг кончились. Тепло, сухо, уютно. Девушка не решалась открыть глаза, перебирала в уме:

«Меня спасли? Я умерла? Я дома?»

Поняла, что сидит на чём-то мягком и одновременно лежит грудью на чём-то твёрдом.

– Это стол... – догадалась Таня, – я сижу за столом.

Она открыла глаза и радостно принялась крутить головой.

– А где диван?

Обстановка была незнакомая: белёные стены, большие светлые окна, у стола – чёрные резные стулья, на белой скатерти прямо перед ней лежали аппетитные розовобокие персики.

– Девочка с персиками, – весело хихикнула Таня, – просто картина Серова!

Голод сосал под ложечкой, издавал неприличные звуки. Персики так призывно-маняще пахли.

– Только одну штучку, – разрешила себе Таня, взяла и надкусила сочный плод.

Он оказался столь хорош, что девушка и не заметила, как он весь исчез. В липких пальцах осталась только большая ребристая косточка.

– Ой! Что же я делаю?! – воскликнула девушка. – Это же картина! Здесь ничего нельзя менять! Сколько было на полотне персиков?

Таня лихорадочно принялась вспоминать. Сунула в рот сладкий от фруктового сока палец.

– Шесть? Пять.... Четыре, – уверенно ответила себе девушка, – их точно было только четыре! Получается... получается эти два – лишние!

Таня сама была в восторге от своих подсчётов. Тем более что первый персик не утолил голод, а только разжёл его. Ещё два фрукта исчезли вслед за первым. Девушка довольно облизнулась, поискала, куда деть косточки, хотела уже бросить под стол.

– На картине всё равно не видно, – оправдывалась Таня, но устыдившись, зажала следы своего преступления в кулаке.

Косточки скрипнули как-то странно.... светлая комната пропала. Таня всматривалась вдаль, но не могла понять, где она оказалась на этот раз.

– Это должна быть очень известная картина, – рассуждала девушка, – почему же я не узнаю это поле?

Вдруг её прошиб холодный пот. Чуть в стороне возвышалась гора человеческих черепов. Больших, жутких, гладких от ветра и солнца, зияющих тёмными пустыми глазницами.

– Ну, Верещагин! – вырвалось у Тани.

Она смотрела на страшное сооружение с какой-то непривычной перспективы. Слева и от самой земли.

– Неужели я превратилась в один из таких черепов? – ужаснулась девушка. – Только не это!

Она осторожно опустила голову, осмотрела себя. Блестяще-чёрные перья, вместо рук – небольшие остроконечные крылья.

– Ворона... Я ворона! Или ворон... не знаю, как их различают?! Ладно, – успокоено произнесла она, – пусть ворона. Пусть чёрная. Зато живая, зато птица!

Осторожно переставляя тонкие когтистые лапки, ворона переваливаясь, обошла гору черепов, постояла, посмотрела, прикрыв один глаз, и громко каркнула.

– Вот с этого ракурса картину и видят зрители, – подумала Таня, – действительно – «апофеоз войны».

Тут её отвлек странный камешек – красно-коричневый, продолговатый. Рядом валялись ещё пара таких.

– Мои персиковые косточки, – узнала Таня, – рук-то нет, вот они и выпали. Зато теперь у меня есть крылья, – ликовала ворона, – я могу летать!

Неловко разбежавшись, словно утка по воде, чёрная птица торопливо замахала крыльями и полетела. Сперва осторожно, низко, потом смелей – выше. Ворона покружила над обезображенным войной полем.

– Кар! Я лечу! Кар! Кар!

В таниной голове вихрем неслись мысли:

«Я птица! Гордая птица! Не курица какая-нибудь! Я летаю! Вот это опыт! У меня есть два крыла! Хорошо бы так летать не над этими трупами, а над роскошными полями Шишкина!»

И сразу внизу раскинулось море золотой ржи. Вдали исполинами поднялись одинокие раскидистые сосны. Воздух наполнился тёплым, ласковым дыханием конца лета, солнцем и сумасшедшим стрекотом кузнечиков. Ворона кружила в бескрайнем высоком голубом небе и ликовала.

– Кар! Кар!

Внизу ярко-жёлтое поле сменилось лесной зеленью. Могучие, стройные сосны. Ворона сузила круги, присмотрела полянку, опустилась на землю. Осмотрелась.

«Что-то такое я у Шишкина видела, – припомнила Таня, – эти сосны, ручеёк, эта бестолковая изгородь из жердей. Кто и что здесь отгораживал? Шишкин всегда писал с натуры, значит, кому-то это сооружение было нужно».

Рассуждая так, ворона взмахнула своими угольно-чёрными крыльями и вскочила на изгородь. Быстро перебирая тонкими ногами, подвинулась на пять шагов влево, на восемь вправо, помялась с ноги на ногу, попрыгала на месте, покачала головой вверх-вниз. Птица открыла, снова закрыла клюв, похлопала крыльями, покрутила головой, каркнула и спрыгнула вниз. В глине возле ручья она поковыряла клювом, ища что-то, не видимое глазу, взъерошилась, приосанилась. Прозрачная вода едва слышно плескалась рядом. Ворона деловито подошла ближе, склонила голову набок, словно любуясь своим отражением. В песчано-желтоватой глине проглядывали мелкие камешки. Ворона опустила клюв в прохладную воду.

– Не пей – козлёночком станешь, – ехидно посоветовала себе Таня и сама же ответила, – я же пью не из копытца. Здесь вообще козлы не ходят, только медведи.

Ворона сделала глоток.

В следующее мгновение всё изменилось. Нет, лес не пропал, но сразу помрачнел. Запахло сыростью. Была солнечная опушка – и вот вокруг уже мрачная чаща. Ствол упавшего трухлявого дерева, вывороченные корни. Ствол сломался пополам, из него торчали длинные острые щепки. На нём старый мох, медведи.

– Медведи!

Большая тёмно-бурая медведица рассержено рычала на троих непослушных медвежат, лазивших по обломкам ствола, показывала громадные белые зубы. Широко расставив когтистые лапы пугала округу страшным рыком. Таня в ужасе затаила дыхание и внезапно вспомнила:

– Я ворона. Я могу летать!

Она взмахнула крыльями и... повалилась на спину. В воздухе мелькнули лохматые медвежьи лапки.

– Час от часу не легче! – застонала она. – Теперь я медведь?!

И толстенький медвежонок принялся кувыркаться через голову на влажной земле. От бурого меха пахло диким зверем. В восторге от жизни и от себя медвежонок подбежал к упавшему дереву, забрался на него и ... свалился...

Танюша резко проснулась, упав с дивана. Девушка сидела на полу и трясла головой. Рядом лежала книга, открывшаяся на репродукции «Утро в сосновом лесу». А по радио кричала давно забытая песня Линды «Я – ворона. Я – ворона!»

Мопс

– У-у! Проклятье! Гады! Гады!

Артём лопался от бессильной злости. Бюрократы были непобедимы. Ещё пару сотен бумажек, и он станет de Jure владельцем того, что уже принадлежит ему de Facto. Невысокий, крепкий, русоволосый молодой человек, долбанул кулаком по белёной скучной стене.

– Эх! Тоскливые нынче времена – бумажные. Мне бы настоящей борьбы! Мне бы подвиг совершить! Сейчас бы на боевого коня, здоровенный меч бы в руку! Да крушить врагов! Рубить надвое, одним ударом. Р-раз!

Свет сразу погас. Мгновение вокруг была кромешная мгла. Когда тьма развеялась, Артём понял, что его желание исполнилось. Воинственный и грозный, он сидел на коне. Без седла прямо на широкой спине мощного длинногривого гиганта бурой масти.

– Стоять, – тихонько скомандовал парень, на самом деле боясь, что зверь его услышит и двинется.

В своей правой руке он обнаружил тяжеленный очень длинный меч. Артём изо всех сил сжал пальцами холодную рукоять. Только бы не выронить! И тут он вспомнил бюрократов. Праведный гнев поджёт его кровь... парень воинственно взмахнул мечом над головой... Потеряв равновесие, он рухнул на землю.

– Твердая, блин! – ругнулся он, ушибившись.

Конь ускакал, меч выпал из руки. Вокруг поднялись сочно-зелёные травы. Артём хотел сесть, но то ли от падения, то ли от бивших в нос с дикой силой степных запахов кружилась голова. Парень завалился на спину, раскинул руки.

– Ничего, сейчас пройдёт, – успокаивал себя он, – башка кружится из-за того, что воздух перенасыщен кислородом, а подташнивает от запахов. Во букет из трав! Так сшибает с ног.

Парень бездумно уставился в небо – нестерпимо голубое, бездонное, не замутнённое ни дымкой, ни облачком. Москвич никогда не видел такого неба. Он просто лежал и любовался.

– Эй, ты чего здесь разлётсся?!

Резкий, хриплый голос был таким неожиданным, что Артём вздрогнул. Длинная тень закрыла часть высокой лазури.

– Ты кто?

Москвич хотел резко подняться и сесть, но голова закружилась и затошнило так сильно, что он лишь болезненно сморщился, повалился на землю.

– Я – Михаил, – вальяжно отозвалась тень и спросила сочувственно, – что, тошно?

– Тошно, – честно сознался Артём.

– Сразу видно – городской, хилый. Отвык от чистого воздуха. А у нас грязи нет. Дышать легко.

– У кого это, у нас? – громко возмутился москвич.

Он разом забыл про головокружение, сел, уставился на собеседника. Молодой парень, вполне современный. Джинсы, футболка. Лицо круглое, смуглое. Глаза, ну узковаты глаза. Эка невидаль.

– У нас, на Алтае, – пояснил парень.

– Какой у нас? Какой Алтай? – в бешенстве заорал москвич. – Так мы на Алтае?!

– Нет, это Шотландия!

– Вот ещё новости! Что ты, вообще, тут делаешь? Это мой сон!

– Нет, мой!

– Мой сон, про рыцарей!

– Нет мой, про Шотландию!

– А в Шотландии были средневековые рыцари?

– Нет.

– Тогда что я здесь делаю? – совсем растерялся Артём.

– Вот и я бы хотел знать.

– Шотландия – это где все бородатые и в юбках? – уточнил москвич.

– Да, да, да. И овец выращивают. Сам посмотри кругом – это холмы Шотландии.

Артём поднялся на ноги, глянул кругом. Справа и слева разлеглись роскошные округлые холмы. Словно зелёными коврами покрытые низенькой ровной травкой.

– А где же мой конь, мой меч? – пробормотал он.

Всё пропало, как и не было ничего.

– Да-а, Миша, – это твой сон!

– Ничего подобного, – воскликнул звонкий девичий голосок, – это мой сон!

Ошарашенные парни резко обернулись. Говорившей особе было лет пятнадцать. Рыжие волосы, собранные в два коротеньких хвостика, озорно торчали в разные стороны.

– Да, да, – кивнула незнакомка, – это мой сон, про космос. Про другую планету.

Артём принялся вертеть головой, ища аргументы, чтоб поспорить с рыжей выскочкой, но промолчал, поражённый. Чужая, неведомая планета, была зелёной. Ветер гнал по голой безжизненной поверхности изумрудно-зелёную едкую пыль. Рыжеволосая была одета в белый, вполне современный космический скафандр. Не хватало только круглого шлема. Москвич опасливо взглянул на себя. И обнаружил белый скафандр.

– Что ты устроила? Да кто ты вообще такая! – завопил парень.

– Я – Рита, – кокетливо представилась девушка, – и я вас в свой сон не звала. Убирайтесь!

– С радостью, – громко заявил Миша, тоже пленённый космическим скафандром, – только как это сделать?

– Почём я знаю, – пожалала плечами Рита.

– Придётся делить на всех.

Словно подтверждая правильность принятого решения, из-за пустынных изумрудных холмов мощной волной нахлынули, разлились звуки волюнок. Казалось, совсем близко за поворотом играет огромный слаженный оркестр. Торжественное звучание старинного гимна сменила озорная танцевальная мелодия. Ноги сами пустились в пляс. Слабая гравитация чужой планеты делала развесёлые прыжки невероятно лёгкими и приятными. Артём схватил Мишу и Риту за руки, и они вместе принялись водить безумный хоровод. Скафандры стесняли движения, но необычность обстановки только прибавляла веселья.

– А мне здесь нравится, – широко улыбался алтаец.

– И мне, – вырвалось у москвича.

– То-то же! – радовалась девушка.

Пока они беззаботно скакали, вдалеке образовалась и стала приближаться, расти тёмная точка. Танцоры не сразу обратили на неё внимание. Принялись разглядывать странный объект только когда он был совсем близко. Он – оказался собакой. Высунутый язык, плоская тёмная морда, маленькие ушки, короткие, кривые лапы, хвост колечком на спине.

– Мопс.

– Самый натуральный мопс.

– Тоже мне, космический объект!

Опознанный нелетающий объект облял космонавтов и побежал по своим делам. Раскрасневшаяся счастливая девушка показалась Артёму чудесно хорошенькой. Он решил воспользоваться возникшей паузой. Притянул к себе и попытался поцеловать Риту.

– Ещё чего!

Она широко замахнулась... Артём сморщился, предвкушая удар по щеке перчаткой скафандра...

Но вместо этого её резкое движение разом уничтожило гравитацию. Все трое поднялись в воздух и зависли, как настоящие космонавты на орбите. Сама девушка не ожидала такого и попыталась решительными движениями выразить своё возмущение. Но потеряв вес, все лишились возможности управлять своими движениями. Они бестолково кувыркались, плыли и барахтались в невесомости.

– Это не я устроила, – оправдывалась Рита.

– А мне нравится, – расплылся в улыбке Миша.

Бац! Артём не успел ничего сказать. Падение на асфальт было слишком жёстким. О, какой удар! Парень грохнулся на живот. Дышать он не мог, отбил сразу всё.

Серый, бугристый, страшно твёрдый асфальт – вот он, у самых глаз. Пахнет мокрой пылью. Артём едва нос не разбил, в последний момент

успел повернуть голову, получил хук в челюсть. На ноги поднимался тяжело. Всё тело болело, как после боя с боксёром-тяжеловесом. И скафандр не помог. Да никакого скафандра и не было. Парень брюки отряхнул, вздохнул, рассматривая грязное пятно на белой рубашке.

– Реальность, мать её...

– А ты уверен, что это не очередной сон?! – усомнился Михаил.

На нём были прежние джинсы и футболка.

– Чей сон?

Оба повернулись к Рите. Без громоздкого скафандра девушка оказалась стройной и хрупкой. Она кокетливо поправила на груди цветастую кофточку, отряхнула коротенькие красные шортики и присела застегнуть тонкий ремешок босоножки.

– Так. Из космоса мы вернулись. Что дальше? – деловито рассуждал москвич.

– Хорошо бы понять, куда мы вернулись.

– На Землю.

– Земля большая, – резонно заметила Рита.

– Интересно всё-таки, где мы оказались? – настаивал Миша.

Путешественники по чужим снам стали озираться, внимательно всматриваясь в окружавшее. Вокруг всё было обыденно и скучно до зевоты. Их обступили банальные панельные девятиэтажки, роднившие все города Советского Союза. Типичный дворик, железные качели, деревянные лавочки.

– По крайней мере, мы в России, – улыбнулась Рита.

– В современной России.

– Более-менее современной. Такие дворики не менялись на протяжении последних лет тридцати, – скептически произнёс алтаец.

– Какой ты невнимательный, – заспорил с ним Артём, – видишь тачку. Эта модель «тойёты» вышла только в 2010.

– Не знаю, не слежу за японцами, – пожал плечами Михаил, – у отца – «лада».

– Жёлтая?

– Точно.

– А твой отец не президент? – рассмеялся москвич.

Алтаец оценил шутку. Парни весело смеялись, а девушка рассерженно нахмурилась.

– Нашли время. Хорошо, что с годом определились, но торчать здесь, в спальном районе, всё равно глупо. Вон мамаша с коляской, Миша, пойдёшь, спроси у неё дорогу до центра. Там уж разберёмся, – распорядилась девушка.

– Пусть лучше он идёт! – отмахнулся алтаец.

Артём не спорил, направился к присевшей на лавочку женщине с красной коляской.

– Извините, – вежливо начал он, – вы не подскажите, как отсюда добраться до метро.

– У нас в городе нет метро, – улыбнулась молодая мама.

Москвич совсем растерялся. К счастью, рядом оказалась Рита. Она заулыбалась понимающе, спросила мягко.

– Остановка автобуса далеко?

– Совсем рядом, – охотно принялась объяснять женщина, – пройдёте вон тот двор в арку, потом перейдёте Кирова, метров сорок – и остановка. Там увидите.

Молодые люди двинулись к остановке.

– Как это нет метро?! – всё не мог поверить москвич. – Не может этого быть. На чём же они передвигаются по городу?

Его озадаченность сместила девушку.

– На автобусе. Тебе же сказали, – веселилась она, – представь себе, такое бывает.

– Только на автобусе?!

– Ну, может ещё на троллейбусе, на трамвае.

– Трамвай? Это же анахронизм!

– Кому как, – пожалала плечами Рита, – а мне нравится. В моём городе метро тоже нет.

– И у нас тоже, – поддакнул алтаец.

– Автобус так автобус, – снисходительно согласился Артём, – идём на автобус.

Он был сильно разочарован, поняв, что попал не в Москву. К тому же, всё окружавшее было так обыденно, так повседневно, реально и скучно. Многоэтажки, дворы, асфальт, люди.

– Мне, честно говоря, уже не хватает космических неожиданностей, – признался парень, – неужели мы вернулись в будни?

– Судя по всему, – вздохнула девушка, – мы вернулись в реальность. Всё такое повседневное.

– Вернулись? Но почему сюда?! – бушевал москвич.

– И всё же приходится смириться, – подытожил Михаил, – мы вернулись в реальность.

Артёму так не хотелось с ними соглашаться, но возразить было нечего. Разве что... навстречу косолапо семенил маленький пёсик. Хвост крючком, тёмная плоская морда...

– Все эти мопсы одинаковые, – отмахнулся парень.

Угас последний луч надежды на чудеса. Победила грубая и неизбежная реальность. Совсем недавно познакомившиеся приятели пересекли неширокую, всего двухполосную улицу Кирова, подошли к остановке. Москвич всё удивлялся почти пустым тротуарам и редким автомобилям.

– Где все?! Куда делись люди?!

– Всё нормально. Это же не столица, – поморщился алтаец.

– Здесь всегда так, – поддакнула девушка, – расслабься, вон автобус идёт.

Внешний вид автобуса успокоил Артёма. К ним приближалась вполне современная, банальная маршрутка. Привычная, маленькая, обшарпанная, скрипучая. Автобусик стал замедляться у остановки. Тормоза завизжали особенно громко и жалобно. Но их заглушили перепуганные крики людей. Из салона повалил едкий чёрный дым. Пассажиры ломились в узкую дверцу, но она не открывалась. Они стучали, бились изнутри. Всё было бесполезно! Кое-как остановившись, водитель пулей выскочил через свою дверь и бросился бежать прочь. Его кабину сразу охватило жадное пламя. Артём застыл от ужаса. Он пришёл в себя, только когда прямо на него посыпались осколки стекла. Невесть как проникший внутрь маршрутки Миша ногами выбил большое окно.

«Выврите шнур и разбейте стекло...», – всплыла в памяти ещё в детстве прочтённая надпись.

Алтаец стал подсаживать, передавать москвичу перепуганных задохнувшихся в дыму людей. Приток воздуха придавал новые силы рыжим язычкам и густым чёрным клубам. Парни помогли выбраться толстой, тяжёлой, смертельно перепуганной тётке, сухонькой старушке с клюкой, еле живой плачущей женщине.

– Дети... дети... там мои дети... – повторяла она.

Миша свесился из окна, выдавил сквозь кашель.

– Всё! Больше не могу! Дальше ты.

Он затянул Артёма в автобус и выбрался сам. Внутри было темно и нечем дышать. Гарь першила в горле и разрывала грудь. Глаза слезились, хотелось сразу чихать, кашлять и плакать. Страшно хотелось вырваться, сбежать. Кто-то схватил парня за руку.

– Помоги, внучек.

Жалобно звякнули медали. Парень едва различил ветерана в плотном дыму. Помогал ему добраться до спасительного окна и невольно чувствовал себя героем в дыму битвы за Берлин. Он помог старику выбраться, ринулся обратно в смят.

– Дети. Дети. Ох, уж эти дети! Ну, где они, – буркнул парень.

Он споткнулся обо что-то, едва не упал, опёрся о нагревшееся сидение.

– Саша вылазь, – требовал испуганный детский голосок.

– Нет! Мне страшно, – плакал голос совсем тоненький.

Артём запустил руку в темень под сидением.

– Ай, пусти! Мама!

– Куда ты её тащишь?! Мама!

Парень схватил обоих. Никогда не думал, что маленькие дети могут так сопротивляться. Они бились и рвались, как воробьи в когтях коршуна. Артём держал мёртвой хваткой. Сжал, поволок добычу к окну. Сидение уже охватил огонь. Горячий воздух не лез в лёгкие. Голова кружилась.

Последним усилием парень рванулся к окну, вытащил детей, отдал Мише. Сам буквально вывалился наружу. Он повалился на асфальт, равнодушно смотрел, как огромным костром полыхал автобус. По телу разлилась страшная усталость. Душа ликовала, совершив доброе дело.

– Ты как? – склонилась над ним Рита. – Я вызвала скорую. Пострадавших увезли, а тебе врач нужен?

Девушка принялась его трясти, бить по щекам...

– Молодой человек, молодой человек, проснитесь!

– Эй, у тебя всё в порядке?

Артём тупо хлопал глазами, не мог понять, где он. Белёные стены, очередь, двери, двери.

– «Бюрократы! – зло вспомнил он. – Бумаги, приватизация. Так значит, – мысль обдала его мёртвым холодом, – значит, мне всё приснилось?! И горящий автобус и подвиг? Выходит, всё-таки это было не на самом деле? Вот – что хотел, то и получил. А я уж стал гордиться собой. Жаль, что всё только сон... и Ритиных рыжих хвостиков – жаль...»

Вдруг в кармане брюк сработал, затрезвонил сотовый. Номер был незнакомый. Парень ответил осторожно.

– Алло.

– Тёма, ты?! – весело спросил голос из сна.

– Рита? Откуда у тебя мой номер, – растерялся парень.

– Вы же с Мишей сами мне дали свои координаты.

«И всё-таки нам снились разные сны», – улыбнулся Артём.

Эрера

До чего дошел прогресс,

Труд физический исчез...

– Вот, привязалась песенка из старого-престарого советского фильма. И смотрел-то этого «Электроника» давным-давно в детстве, а всплыла в памяти – не избавишься... Тьфу! – ругался сам на себя светлоголовый долговязый парень, вдвое сложившийся над низким столом.

Вооружившись карандашом и длинной линейкой, он сосредоточенно хмурился над разложенным на столе листом ватмана со сложным чертежом. Желание браниться его не покидало:

– Черт бы побрал, этого Льва Соломоновича. И приспичило же ему принимать только чертежи, сделанные по-старинке – карандашом! Придурок! Кому теперь нужны эти его почеркушки?! Двадцать первый век! Всё делает компьютер! Сам небось боится компа. Вот над студентами и глумится! Гад! Все эти электрические схемы собирают роботы. Совсем отстал наш дедок...

Костя решительно провёл несколько прямых и раздражённо бросил карандаш:

– Опять затупился! – парень брезгливо сморщился и передразнил скрипучие интонации старого профессора: – «Такие линии, молодой человек, никуда не годятся. Каким валенком Вы их рисовали?! Это карандаш совсем не той твёрдости... Я бы рекомендовал Вам всё переделать...»

Карандаш покатился по столу и упал на пол.

– Ну нет у меня другого, – пожал плечами студент, – «...так купите новый», – ехидничал профессор.

В предложении «купить новый» было рациональное зерно: купить – значит пойти в магазин, отвлечься, бросить ненавистный чертёж, выбраться на воздух к людям, к цивилизации. Костя решил покинуть прошлое с его допотопными занятиями и окунуться в современность.

Весна, теплынь, ветерок приятный как шёлк. Парень даже куртку не стал брать. Побежал прямо так, как дома сидел, в потёртых джинсах и старой футболке. Реальность поджидала его за ближайшим поворотом в лице двух подтянутых офицеров полиции.

– Предъявите, пожалуйста, документы, – мягко, но настойчиво обратились они к Косте.

– Какие документы? – растерялся студент. – Я здесь живу. Вышел только карандаши купить.

– Покажите прописку.

Парень совсем растерялся, повторил медленней:

– Все документы дома. Я здесь живу. Вышел за карандашами. Вон магазинчик, видите?

Махнул рукой в сторону «Канцелярских товаров», сразу почувствовал на себе тяжёлый ледяной взгляд стражей порядка. Решил, стоять смирно.

– Антитеррористическая компания, – извиняющимся тоном пояснил второй полицейский, – мы должны быть бдительными. Сами знаете, какая сейчас обстановка.

– Разумеется, – активно закивал студент, – только я-то совсем не похож на террориста. Ну, посмотрите на меня, какой я араб – волосы русые, глаза светлые, серые глаза, нос картошкой. Не бывает у террористов таких носов.

– Разные бывают носы, – покачал головой полицейский, – и вообще, мы боремся со стереотипами. Пройдёмте с нами.

Горько пожалел Костя, что так легкомысленно пропустил мимо ушей имена офицеров, когда они представлялись. Ему почему-то стало казаться, что сумеет он сейчас обратиться к ним по имени, всё бы изменилось. А пока он покорно плёлся за полицейскими к их машине...

В душное чрево нагревшегося на солнце автомобиля никому не хотелось. Остановились рядом, офицер открыл дверь, наклонился, по рации связался с отделением. Из шума и щелчков на него посыпались проклятья и отборные ругательства. Разобрать можно было только:

– ...Все полетело... компьютеры... сдохли... замыкание... все базы...

Полицейский выключил рацию, выпрямился, откашлялся.

– Первый раз такое... почти в первый раз, – он потёр нос, покачался вперёд-назад и вздохнул: – Можете идти...

Костя бегом пустился домой, напрочь забыв сразу про все карандаши в мире. В голове только пронеслось восторженное: «Обожаю компьютеры! Особенно, когда они вовремя ломаются!»

До чего дошёл прогресс,

Труд физический исчез,

Позабыты хлопоты. Остановлен бег.

Вкалывают роботы, а не человек...

– весело запел он вслух.

Сухонькая старушка испуганно шарахнулась от подозрительно весёлого парня. Он только хмыкнул, но петь перестал, посерьёзней. А к серьёзным людям сами собой приходят мысли о деньгах. Невесёлыми были мысли студента. Перед его внутренним взором злыми чудовищами поползли огромные цифры долгов.

– Эх, сбежать бы... – ленивую мечтательность прогнала последняя надежда: – Может, на карточке ещё что-нибудь осталось?

Воодушевлённый ею, Костя ещё быстрее помчался домой, где вместе с другими документами осталась и банковская карта.

Заветный пластмассовый прямоугольник так приятно было крутить в пальцах. Солидность банкомата так обнадёживала...

Но счёт был пуст.

Костя терпеливо перепроверил, без суеты, медленно ввёл все цифры.

– 0.

Парень взвыл с досады, изо всех сил стукнул по проклятому железному ящику кулаком...

Минуты две ему казалось, что он попал внутрь трансформатора. От ослепительно-белого света не спасали закрытые веки. Костя плотно зажмурился, закрыл ладонями уши...

Вдруг всё пропало... тишина, сумрак, прохлада...

Мгновение спустя прохлада перестала быть приятной.

– Мокро... Вода! – завопил студент. – Тону!

С этим он, конечно, погорячился. Холодной чистой воды вокруг было совсем немного. Станный туман рассеялся, и поражённый парень обнаружил, что сидит... в фонтане – небольшом, круглом, из белого мрамора. Тонкая струйка воды, искрясь на солнце, озорно плескалась из высокого кувшина и плевала за шиворот.

– Ладно, мокрозадый, вылезь!

Обращение было настолько грубым, что опешивший парень подчинился, не успев оскорбиться. Правду сказать, у него не было ни малейшего желания оставаться в фонтане. Грубиян протянул руку, помог выбраться. Он выглядел моложе Кости. Загорелый, носатый, кудрявый

паренёк, мускулистый, как породистый скакун. Одетый в... студент снисходительно хмыкнул:

– Что, в вашем театре приличных штанов не нашлось?

– Зря скалишься, – огрызнулся незнакомец, – скоро и сам так же оденешься.

– В шерстяное платье и шкуры?!

– Это не платье, а туника, – возмутился паренёк.

– Не обижайся, – поспешил исправить положение Костя, – я ведь здесь ничегошеньки не знаю. Я даже не знаю, где это здесь.

Паренёк сменил гнев на милость, назидательным тоном принялся объяснять:

– Это планета Эрера. Местные её так называют. В астрономии я не знаток. Знаю только, что мы страшно далеко от Земли...

– А как же тогда...

– Чёрт его знает, – поморщился Костин собеседник, – р-раз и всё. Ну, сам видел.

От таких объяснений студенту стало только ещё хуже. Он тёр глаза, старательно моргал. Зыбкий мир вокруг плыл в мутной пелене.

– Что это за туман?

– Это ерунда, плохо со зрением после перелёта.

– Ты точно знаешь? – усомнился студент.

– Точно, – улыбнулся незнакомец, – я же тоже с Земли.

– Как зовут, земляк? – обрадовался студент.

– Стас.

– А я – Константин. Здесь наших много?

– Да нет, в основном местные, но те, что с Земли, почему-то всегда приземляются в этот фонтан.

– Приводняются, – уточнил вновь прибывший.

Стас тоже рассмеялся, поделился вполголоса:

– Знаешь, здесь совсем нет негров и других, никого нет, только белые.

Странно...

Костя, наконец, проморгался, стал различать вокруг себя белоснежные здания, колонны, статуи...

– Древний Рим... – вырвалось у студента.

– Ты не представляешь, какой древний, – поддакнул Стас, – здесь даже электричества нет.

– Нигде?

– Нигде! – категорично заявил Стас.

– А как же тогда высокие технологии, а перемещение в безвоздушном пространстве – «Р-раз и всё»? – не поверил Костя.

– Говорят, – уверенно зашептал новый знакомый, – это творят боги.

Они живут на другой планете, а здесь творят что хотят.

– Боги? – презрительно фыркнул студент.

– Зря смеёшься. Здесь к богам очень серьёзно относятся. А сколько этих богов, я до сих пор сосчитать не могу. И для каждого построен свой храм. Вон их сколько, – широко повёл рукой Стас.

Пелена уже окончательно рассеялась. Со всех сторон подступили белоснежные, словно созданные из белого шоколада и сахарной пудры, дворцы. Строгие высокие колонны опирались на широкие ступени, кудрявыми узорами подпирала барельефы на портиках и треугольные крыши. Великолепные как старые земные театры. Костя невольно присвистнул.

– Неужели, это всё мрамор?

– Здесь все дома строят из мрамора. На Эрере он только белый, зато очень мягкий и лёгкий в обработке. Здесь его так и называют «е-о» – масло.

– Скорее не масло, а сахар, – заметил студент, – слишком он белый.

– Здесь почти всё белое. Кони, например, только белые, а вот собаки...

– А что с собаками? – заинтересовался Костя.

– Юлька говорит, – замялся Стас, – что в отношении собак эксперимент не удался и у белых родителей народились банальные разноцветные дворняги.

– Какой ещё эксперимент? – нахмурился студент. – И кто такая Юлька?

Стас готов был пуститься в пространные объяснения, но их грубо прервали.

По светлой красивой словно сошедшей со страницы учебника истории древнего мира улочке стали быстро приближаться громкий собачий лай и истошное мяуканье. Смертельно перепуганный пушистый серый кот и здоровая рыжая собака между торжественными рядами мраморных колонн казались чужаками, ворвавшимися сюда из другой более реальной жизни.

– Откуда они взялись?! – только успел крикнуть Костя.

Звери тоже парней заметили и ринулись к ним.

Кот молнией преодолел разделявшее их расстояние и, словно на дерево, забрался высокому студенту на плечо. Он весь собрался, поднялся на четырёх лапах словно на цыпочки, выгнул спину, поднял шерсть дыбом и устрашающе зашипел. Взбешённая собака рычала, скалила большие жёлтые зубы, громко зло лаяла на кота, а заодно и на его «дерево». Костя не мог и шага ступить, у самых ног бесновалась псина. Кот намертво вцепился в плечо когтями. Парень беспомощно глянул на Стаса, но тот только смеялся, наблюдая со стороны.

– Не стой так! Сделай что-нибудь! – возмутился студент.

– Ой, видел бы ты себя сейчас, – хохотал его новый приятель.

– А мне совсем не смешно, – обиделся Костя, – убери кота.

– Сейчас она заберет.

Парень весло кивнул куда-то налево. Костя посмотрел в ту сторону, его взгляд наткнулся на тонкую девичью фигурку. Густые тёмные волосы были собраны в длинный хвост. На молодой девушке так изящно и естественно смотрелась местная светлая туника, кожаный ремешок подчёркивал тонкую талию. Её сандалии легко мелькали над мраморными плитами улицы.

– Кто это? – выдохнул студент.

– Это Юлька! Моя девушка, – самодовольно улыбнулся Стас.

– А-а, – тупо протянул Костя.

Тем временем Юлька подошла к ним, хлопнула в ладоши, шуганула собаку. Псиная недовольно, но покорно поплелась восвояси. Девушка погладила, успокоила кота. Тот втянул когти, и она легко убрала зверя с плеча, прижала к своей груди. Снизу вверх огромными чёрными, как ночь, глазами посмотрела на Костю. У него вдруг бешено забилося сердце.

Парень презрительно фыркнул, одёрнул сам себя.

«Прекрати! Подумаешь, девица глазастая. Что я, девиц не видел?!»

Он встрепенулся, выпятил грудь, задрал нос, будто петух, бросил с вызовом:

– Какое здесь у вас местечко скучное.

– Так вы здесь недавно, – подняла бровь Юлия.

– Костя только-только прилетел, – поспешил объяснить Стас.

– Вижу, – холодно отметила девушка, покосившись на мокрые джинсы студента.

– Он ещё не переоделся даже, так и ходит в земном.

– Вижу, – снова кивнула Юля, с сочувствием глянув на тёплые тёмные костины кроссовки.

– А мне хорошо в земном, – поспешно солгал парень.

– Это временно, – авторитетно заявил Стас, – сандалии в такую жару просто незаменимы.

В подтверждение своих слов, он выразительно пошевелил пальцами ног. Костя в этот миг ему очень позавидовал.

– Здесь всегда такая жара? – спросил он.

– Тепло всегда, только дожди бывают, – охотно поведал Стас.

– Сильные дожди?

– Ливни. Вода стеной. Жуть!

Костя глубоко задумался и вдруг выдал:

– Я так понимаю – ни автоматических зонтов, ни хороших курток здесь нет. И что, как только дождик – все прячутся по домам, жизнь замирает?

– Ну...

– Нет, – энергично вмешалась в разговор Юля, – зонтов в нашем привычном понимании здесь, конечно, нет, но местные приспособили в качестве зонтов большие листья лолона. Они не пропускают воду и,

сорванные, не вянут на протяжении пары месяцев. Хотя, на мой взгляд, это всё равно не практично, лист изгибается и держать его над головой двумя руками очень неудобно.

– А придумать что-нибудь лучше некому? – насмешливо спросил студент.

– Вот ты и придумай – обиделся Стас.

А девушка произнесла задумчиво.

– Я заметила, здешние люди очень консервативны, инертны. Здесь веками ничего не меняют: те же дома, те же украшения, те же традиции. Ничего нового. Так было всегда и так будет.

– А как же прогресс, эволюция? Без эволюции невозможно, – убеждённо воскликнул Костя.

– Очень даже возможно, – возразила Юля, – возможно или... – она смолкла, погладила громко урчавшего кота и через мгновение, словно решившись, продолжила: – порой мне кажется, что на этой планете эволюция специально остановлена, искусственно создаётся неизменная статичная среда. Эксперимент.

– Чей?

– Тех самых богов, которые нас сюда доставили.

– Всё! Всё! – замахал руками Стас. – Нашли место для дискуссий. Если вы не заметили, мы всё ещё стоим посреди улицы.

– Да, – Костя стал вертеть головой, – а где все?

– Все горожане разбрелись по домам, – охотно объяснила девушка, – дневной отдых. У нас бы сказали сиеста – ещё одна очень давняя традиция.

– Теперь понятно, почему землян кидают в фонтан именно в это время, – заметил недавно переживший это приключение, – а зачем мы здесь понадобились?

– О, об этом у меня тоже есть своя теория... – начала девушка.

Но Стас её решительно прервал.

– Этому конца не будет – застонал он. – Хватит, хватит умных теорий. Пойдёмте, перекусим.

Наконец, его услышали, и все трое отправились искать местечко поединённой. Косте и Юле пришлось полностью довериться Стасу. Он уверенно шагал по пустым улочкам, точно зная дорогу. Они покинули центр города с его помпезными храмами. Юля ласково гладила кошку, и та громко благодарно урчала. Московского студента поражало, как мало отличались одни кварталы города от других, везде любые постройки, даже самые примитивные из нарядного белого мрамора. Мощёные мраморными плитами улицы, разве что стали уже и кривее да зелени прибавилось. Ярко-зелёные кусты часто были усыпаны душистыми цветами. Среди них маленькие сахарно-белые домики казались особенно игрушечными. К такому домику и привёл друзей Стас.

– Вот! – довольно произнёс он. – Здесь можете строить свои теории сколько угодно. Тут мы и поедим.

Девушка опустила кошку на землю, и та сразу рванула в кусты.

– А кто здесь живёт? – спросил Костя.

– Ты.

– Очень мило, – хладнокровно отреагировал москвич, – но ведь здесь и раньше кто-то жил.

– Это дом плотника, – не заметив его ироничного тона серьёзно ответил Стас.

– А куда теперь плотник делся?

– Ни с того, ни с сего ушел воевать.

– Так здесь ещё и воюют? – выпучил глаза студент.

– Война идёт постоянно. Никто не помнит, когда она началась. У меня впечатление, что воевали на этой планете всегда.

– А из-за чего воюют? С чего началось? – не отставал дотошный парень.

– Теперь и не помнит никто. Да и какая разница, – махнул рукой Стас, – важно только, что дом этот теперь пустует и ты можешь его занять.

– Откуда ты всё здесь знаешь? Ты же не местный, – подозрительно сощурился московский студент.

– Ха, – самодовольно улыбнулся Стас, – вот ты на Эрере пару часов. Юля – пару дней, а я уже пять лет. Я и язык выучил, и местные правила.

– Традиции, – поправила девушка.

– И традиции знаю, – гордо кивнул парень, – здесь дома пустые долго не стоят. Хозяин ушёл, значит, занять может тот, кому нужнее. Сейчас нужнее нам. Ну вот, опять вы меня заболтали, – всплеснул руками Стас, – сколько можно стоять на пороге. Входите давайте.

Костя уже успел оглядеть белый домик снаружи. Вокруг цветущие кусты – красота. У самого входа – дерево с огромными сочно-изумрудными листьями.

– Тот самый лолон, – шепнула Юлька.

У домика два квадратных окна, крыша покрытая сушёными листьями лолона.

– Заходи, заходи, – торопил Стас.

Изнутри домик оказался совсем маленьким и тёмным: топчан, лавка, низкий столик да куча каких-то деревяшек в углу – вот и вся обстановка. Стас уже деловито распорядился.

– Проходите, присаживайтесь к столу. Пожужем.

– А что будем есть-то?

– У меня всё с собой.

Лохматая шкура, которую Костя принял за часть местного костюма, оказалась бездонной сумкой. Порывшись в ней, Стас извлёк на свет большой кусок рыхлого козьего сыра, серую хлебную лепёшку и даже кусок варёного мяса. С особой гордостью парень выложил на стол

громадный тёмно-коричневый круглый орех, который оказался отличной фляжкой.

– Местное вино, – пояснил Стас.

Обедали по-братски, передавая друг другу еду и питье. Вино оказалось вкусным, молодым, зато похожий на брынзу соленоватый сыр разборчивому москвичу не понравился. Он налегал на мясо. Аппетит был зверский. Видимо, перемещение в космическом пространстве этому очень способствует.

Юля ела мало и сразу заторопилась домой со словами:

– У меня появилась одна идея. Надо проверить её на жизнеспособность.

Стас с тяжёлым вздохом неохотно закрыл свою фляжку, сунул её обратно в лохматую сумку и тоже поднялся на ноги.

– И я пойду. Юльку провожу, а тебе отдохнуть надо. Трудный денёк тебе выпал. До завтра, – вздохнул он.

Девушка уже погрузилась в свои размышления и подсчёты, лишь рассеяно кивнула.

Как только они ушли и Костя остался один в прохладном мраморном домике, он сразу понял, что отдыхать-то ему как раз совсем и не хочется. Он даже попытался завалиться на топчан, лениво вытянуть ноги, закинуть руки за голову, но тут же вскочил, словно подброшенный пружиной.

– Скучно!

Сразу его одолело любопытство.

– Ну-ка, ну-ка, что там валяется в углу, – потирал руки от предвкушения студент, – посмотрим.

По брошенным вещам можно было сразу определить, чем занимался прежний хозяин домика. Костя обнаружил сваленные на глиняном полу десяток тонких палочек, кучку совсем крохотных медных гвоздиков, молоток, молоточек и массу другой плотницкой ерунды. Перебирая эти незнакомые предметы, москвич неожиданно испытал необыкновенно сильное желание сколотить что-нибудь своими руками. Эта своеобразная жажда творчества застала его врасплох. Костя легко уступил странному желанию.

– Чужая планета – чужие мысли, – философски рассудил парень.

Он сам себя не узнавал. Энергично, уверенно, словно точно знал, что делал, Костя сложил из деревяшек большой квадрат, скрепил углы гвоздиками – получил рамку. Повертел её в руках и прибил ещё пару реек крест-накрест. Костя поискал в углу, нашёл что-то очень напоминавшее небольшую ножовку и, вооружившись ею, выбежал из домика. У самого входа он остановился под раскидистым лолоном и стал выбирать самый большой и мясистый лист. Парень тщательно осматривал сочную зелень, сосредоточено морщил нос. Пока, наконец, не нашёл то, что искал, – громадный отличный лист без повреждений и дырочек. Молодой плотник радостно заулыбался, отпилил его и поспешил вернуться в дом. Лолон он тщательно приколотил поверх перекрестия на свою раму, а снизу

вертикально приделал длинную палку. Довольно удобный зонт был готов. Ну подумаешь, он получился немного квадратный. Парень остался очень доволен собой.

– Вот тебе и прогресс, – удовлетворенно произнёс он, – а кто его двигает? Я! Я разбуду этот сонный мирок!

Костя принял гордую позу, победно осмотрел окрестности. Этаким почти двухметровый Наполеон.

Никто не заметил его триумфа. Быстро темнело. Надвигалась ночь. Эрара засыпала безмятежным сном. Тёплый ветерок гладил, покачивал листья. Цветы расточали сладкие волшебные ароматы. Нереально спокойную тишину дополняли только лёгкий шелест листьев да тоненький голосок далёкой птички.

«А я никогда и не слышал земных птиц, – с неожиданной тоской подумал московский студент, – внимания не обращал. А может, в городе их и нет».

Он стоял, слушал песенку незнакомой птахи, глубоко вдыхал беззаботное благоухание и никуда не спешил.

– Странно, – пробормотал парень, прислушавшись к себе, может быть, впервые в жизни так внимательно и честно.

Он вдруг понял, что не хочет возвращаться... по крайней мере сейчас. Потом.... Когда-нибудь потом... Подумать только, он весь день рвался домой, на Землю, в Москву, в привычную понятную, удобную жизнь. Только откладывал до удобного момента, когда подумает и обязательно поймёт, что нужно предпринять, чтобы вернуться в знакомую реальность... И вот она прекрасная возможность, а мысли текут совсем не в ту сторону.

Костя вернулся в дом, завалился на топчан, постарался придать размышлениям правильное направление. Через небольшие окна в домик проникало совсем мало света. Вокруг студента быстро стужалась плотная темнота.

– Сейчас бы электрический свет включить, – вслух сказал он.

Перед его мысленным взором возник уютный круг света от настольной лампы, но рядом сразу замигали ядовитые огни огромной рекламы за окном, загудели машины, нахлынул несмолкающий тяжкий шум большого города. Костя затряс головой... вернулись ночь, тишина, мир. Чужой мир, но... такой неожиданно приятный.

Парень возвратился к недавним таким сладким мыслям о своём остроумном изобретении, о самодовольном желании всё здесь изменить и переделать, о решительных планах подтолкнуть, запустить эволюцию. Мозг наполнился дымом заводов, стоном вырубаемых вековых деревьев, жаром мёртвых пустынь и скрежетом мощной техники.

– А может, ну его этот прогресс... – подумал землянин, сладко засыпая.

Утром был дождь. Настоящий серый мокрый – висел за окнами плотным занавесом. Закрывал, прятал цветной яркий мир.

– Вовремя я сделал зонтик, – порадовался Костя.

Но его горделивая радость продолжалась одно мгновение. Из-за прозрачной стены дождя на пороге его домика появились Стас и Юля. Он стравивал воду со скрутившегося помятого листа лолона, а девушка... Юля прислонила к столу зонтик. Аккуратный, элегантный, круглый, сплетённый из лозы, как дно большой корзины, сверху – незаменимый лист лолона, снизу – длинная удобная ручка.

– Круто, – выдохнул начинающий плотник, – ты это за ночь?

– Пока света хватало, – небрежно откликнулась девушка, – здесь так не достаёт электричества. А ты тоже не терял времени даром, – она заметила на полу объект недавней гордости студента, – квадратный?! – удивлённо подняла бровь Юлия, – как это по-мужски...

Костя смотрел на неё и любовался. Девушка собрала в пучок свои тёмные волосы, открыла длинную красивую шею.

«Не достоин её этот примитивный Стас, – молнией мелькнуло в голове москвича, – отобью».

А она улыбалась лукаво:

– Идем, опробуем твой квадратный шедевр.

«И фигурка у неё славная, ноги длинные, – всё продолжал думать о своём Костя, – была бы глупой, вышла бы из неё отличная модель, а она ещё и умная. Бывает же такое».

Он взял свой удивительный зонт и молча последовал за остальными под дождь. Недостатки выбранной им формы стали заметны сразу. Хоть зонт и был большим, его приходилось хитро вертеть, чтобы капли не падали на спину. Утешало только то, что Стас уже совсем вымок под своим дурацким листком. Лучше всех устроилась Юля. Она даже осталась недовольна, когда дождь кончился.

– Слишком быстро, – заявила она, – недостаточно времени для толковых испытаний. А теперь ещё и зонты с собой тащить.

Зато Стас радовался как ребёнок. Он раскрутил над головой и далеко зашвырнул свой жухлый лолон, весьма охотно вызвался нести лёгкий юлькин зонтик.

– А куда это мы направляемся? – поинтересовался Костя.

– О, это самое красивое место в городе, – улынулась девушка. – Я же не ошибаюсь, мы идём к храму цветов? – обратилась она к Стасу.

– Конечно. Я обнаружил это место, – принялся хвастаться парень, – и сразу понял, что на Земле нет и быть не может ничего подобного.

– Ты точно никогда не видел такой красоты, – заверила москвича Юля, – это просто чудо!

– Что ж, поглядим на ваше чудо, – снисходительно согласился студент.

Он топал за друзьями. Всё теплело. Мраморные плиты под ногами быстро высыхали, кроссовки вновь становились тяжёлой неудобной обувью. Дорога москвича не радовала.

– Далеко ещё? – несколько раз спрашивал он.

– Ещё чуть-чуть, – неизменно отвечали ему.

– Слушайте, а где здесь берут сандалии, – наконец решил он спросить о самом наболевшем.

– Созрел, – злорадно хихикнул Стас, – готов, сварился?

– Обуглился, – сознался Костя.

– Потом, – отмахнулась девушка, – давайте об этом потом.

Парень постарался отвлечься. У него получалось плохо. Все здания вокруг были похожи одно на другое: белые, торжественные, скучные. Людей много, но все они одеты так же, как Стас. Однообразие, тоска. И зонтик дурацкий ещё мешался...

Костя выронил зонт, остановился, открыв рот.

– Во дают инопланетяне!

– Никакие они не инопланетяне, – возмутилась Юля, – здесь они местные.

– Молодцы, местные!

Москвич не был ценителем прекрасного, но то, что предстало перед ним, было просто великолепно. Над небольшой уютной площадью возвышался букет, нет, скорее громадная, как небоскрёб, охапка цветов. Белоснежных, трепещущих на ветру, крохотных, как лютики, и крупных тяжёлых бутонов. Свежих, нежных в дрожащих каплях росы. На тончайшие хрупкие лепестки было страшно дыхнуть, чтобы они не повяли, не поникли свежие головки.

– Странно, – пробормотал студент, – внизу нет ни одного опавшего лепесточка.

Юля и Стас принялись смеяться над ним. Они были просто счастливы наблюдать за Костей, попавшимся точно также, как совсем недавно они сами.

– Ну, что вы смеётесь? – обиделся парень.

– Они не могут осыпаться, – тёр мокрые глаза Стас, – они мраморные.

– Не может быть!

– Сам проверь.

Костя боязливо, осторожно, чтобы не помять, одним пальцем коснулся цветка – прохладный, твёрдый, каменный.

– Нет, – не сдавался он, – такая тонкая работа просто невозможна. Они же двигались, трепетали.

– Это обман зрения.

– А капли росы? Они же настоящие, прозрачные, дрожащие!

– Это дождь, – веселилась запрокидывала голову девушка, – капли ещё не высохли и помогли тебя обмануть. Но храм и в сухую погоду впечатляет.

– Он такой огромный, – выдохнул москвич.

– Это тоже обман зрения, – заверила Юля.

– Обман зрения, – задумчиво произнёс студент.

– На самом деле, этот храм не крупнее остальных, – охотно стала объяснять девушка, – эффект достигается благодаря удивительному таланту мастеров и отличному мрамору. Говорят, такой есть и на Земле.

– Ага, – солидно кивнул Костя и принялся рассуждать со знанием дела, – у нас такой удивительный белый мрамор есть только в одном месторождении в Европе. Для Микеланджело его доставляли специально. Он и творил свои шедевры. Весь мир до сих пор любит. Только жил Микеланджело в шестнадцатом веке.

– А теперь? – наивно спросил Стас.

– А теперь... – студент безнадежно махнул рукой, – один модный деятель сеньор Виоли, дитя современной цивилизации, вырезал из этого редкого мрамора точную копию двух автомобильных покрывал и страшно гордится сходством.

– Покрывала – и всё?

– О, нет! Ещё он сотворил здоровенную копию бумажного самолётика и лодку.

– Лодку из мрамора? И что?

– Плавает.

– Бред, – поморщилась Юля, – идём лучше посмотрим храм цветов изнутри.

– Не-е, – протянул Костя, – у меня сейчас совсем другие желания.

Он уселся на широкой белой ступени храма, поспешно расшнуровал, снял кроссовки и носки, поставил ноги на прохладный мрамор. Ноги словно из печи вынули.

– Вот оно – счастье, – произнёс он, блаженно улыбаясь.

Только теперь Костя словно глаза открыл, принялся разглядывать многочисленных прохожих. Они все были загорелые, в светлых туниках: изящные женщины и мускулистые мужчины. Все носили открытые сандалии и большие лохматые сумки, но главное – они все улыбались. Красиво, открыто, белозубо улыбались. Смеялись – весело, громко, беззаботно; как давно москвич не видел на Земле таких лиц.

Костя опёрся руками на верхнюю ступеньку, запрокинул голову. Над ним в высоком бесконечно-голубом небе кружила какая-то большая птица. Ни облачка, ни дымки. Свобода!

– Хорошо здесь, – лениво потянулся студент, – даже возвращаться не хочется.

Его спутники присели рядом, и Стас добавил:

– Хорошо-то, хорошо... но если бы ты и захотел вернуться, то не смог бы. Никто так и не нашёл способа возвращаться на Землю. А многие пытались... Мне рассказывали, что ещё во время Второй Мировой на Эрере оказались двое из блокадного Ленинграда. Представляешь, там – ад, бомбёжки, мороз, голод, а здесь – тепло, сытно, спокойно. Только они всё равно рвались обратно к родным.

– И что?

– А ничего. Всё перепробовали. Так и умерли на Эрере.

– Неужели всё? – горестно выдохнул Костя и сразу утешился. – Может, оно и к лучшему. На Земле человеческая цивилизация зашла в тупик. Вот-вот уничтожит сама себя. Перенаселение, роботы, искусственный разум. Ученые сами не знают, что творят. Того и гляди начнётся война, как в «Терминаторе». Дышать уже нечем, еда – дрянь. Не-е, я остаюсь!

– В конце концов, – согласилась с ним девушка, – и здесь можно очень хорошо устроиться.

– Надо только привыкнуть, – подхватил Стас, – к тому, что здесь быт устроен не так комфортно, как сейчас на Земле.

– Вовсе привыкать не обязательно, – заявила Юля, – я уже знаю, как здесь получить электричество...

Она не успела договорить и... пропала. Исчезла. Словно её и не было.

– Юля! Юля!

Парни вскочили на ноги, озирались, метались возле храма. Стас бросился расспрашивать прохожих.

– Не видели? Девушка здесь была и нету!

Все отрицательно качали головами.

– Нет. Не было девушки...

Костя потеряно гладил ступень храма, где только что сидела Юля. Не верил своим глазам.

– Вот значит как местные боги борются с прогрессом. Не удивительно, что здесь ничего не меняется. Права была Юля – эксперимент. Вся эта планета эксперимент, – хмуро рассуждал Костя.

На белом равнодушном мраморе остался только круглый плетёный зонтик.

– Как же мы теперь без неё? – беспомощно опустил руки Стас. – Она такая умная, всегда знала, что делать.

– Не скули, – одёрнул его московский студент, – ерунда, и без девчонки справимся.

– Всё-таки без Юли плохо.

Костя хотел снова заспорить, но сам ощутил странный холодок где-то внутри. Планета Эрера сразу стала какой-то особенно чужой и бестолковой без чёрных глаз. Он поднял голову к бездонному ясному и такому пустому небу. Ни дымка, ни облачка, даже птица улетела – пусто, как в душе землянина. Москвич потряс головой, отшвырнул ненужную тоску.

– Справимся безо всяких девиц, – воскликнул он с необдуманной самонадеянностью, – Устроимся здесь лучше всех. Я и сам знаю, как электричество получать...

В глазах – темно, в ушах – жуткий звук... Опять!

И вдруг – тишина... шум проезжавших машин, какой-то стук, голоса...

– Земля?! – поразился Костя. – Я вернулся!

Он не был рад, не был расстроен, как-то отупел от неожиданности. Понял, что лицом вниз растянулся на грязном асфальте в какой-то подворотне. Хотел вскочить, но смог только медленно собраться. Джинсы снова пострадали в большой луже. Голова трещала.

– Померещилась мне Эрера или на самом деле была? – спросил сам себя парень.

Единственным доказательством было то, что кроссовок, на нём не было. Их, конечно, мог украсть тот, кто и дал студенту по голове. Это всё бы объяснило: и подворотню, и дикую головную боль, – но носки. Носков тоже не было. Странное ограбление. В голове качался тяжёлый туман. Только две мысли звучали ясно и ярко.

Первая: «Юля должна быть где-то в Москве. Надо найти». И вторая – главная: «Надо бы и на Земле прогресс придержать».

Средство от депрессии

Здоровенный гоблин со всей дури врезал герою дубиной по башке. Тот выронил арбалет, как шкаф рухнул на битые кирпичи. «GAME IS OVER».

– Всё! Последняя жизнь! Как я могла забыть?!

Марина – длинноволосая блондинка, лет двадцати трёх, нервно поправила на груди розовый шёлковый халатик, в отчаянии стукнула по клавиатуре ладонью. Процессор противно крикнул. Монитор погас. Мало того...

– Маникюр! Мой новенький, длинный, нереально прекрасный, накладной ноготь с веточкой сакуры, со стильным иероглифом... Мой маникюр!

Ноготь не выдержал удара и... сломался...

– Сломался! А мне в салон только послезавтра... Какая я несчастная!

Девушка в отчаянии уставилась на потерявший презентабельность палец. От напряжённости момента она попыталась укусить его. Помогло. Охваченная новой надеждой, Марина схватила сотовый, принялась лихорадочно тыкать обезображенным пальцем, искать нужный номер. Успела порадоваться сенсорному экрану.

– А то этот обрубок ещё и мешал бы, – блондинку передёрнуло. – Ужас!

Из трубки равнодушно бубнил автоответчик. Он не мог, не хотел понять отчаянность ситуации.

– А-а!

Марина в праведном гневе зашвырнула сотовый в дальний угол. К счастью, именно там стоял белый диван. Бедняга звонко шлёпнулся на кожаную седушку. Девушка проследила за его полётом, отвлеклась от своей трагедии, произнесла задумчиво:

– Чёрный на белом с... стильно... – и сразу вспылила, – угораздило же папу купить мне чёрный телефон. Самая последняя модель, видите ли! Всё не так! Боже как я несчастна!

Телефон требовательно завибрировал и громко заиграл незнакомую мелодию. Недовольно вздохнув, Марина, словно в дальний путь, отправилась к нему. Подняла, прижала к уху.

– Алло.

В ответ только пустая гулкая тишина. Номер не определился. Блондинка вздохнула тяжелей прежнего, устало уронила сотовый на диван...

Пространство оглушительно хлопнуло, сложившись. Девушка зажала уши, закрыла глаза...

Открывала осторожно по одному. Снова плотно зажмурилась, затрясла головой. Не помогло! Всё пропало: белый диван, новенький телефон... Марина поспешно обернулась. Ничего: ни компа, ни стола, ни кресла... даже сексуальный шелковый халатик превратился в позорный застиранный ситцевый халат.

– А-а-а!

Ноги подкосились, и блондинка опустилась прямо на грязный деревянный пол, забилась в угол, беспомощно прижала колени к груди. Справа и слева нависли стены со старыми выгоревшими бумажными обоями.

– Ма-ма!

Раздались грохот, возня, маты. В дверях комнаты появился пузатый мужик в майке и семейных трусах. Привалился к косяку. Он громко икнул, и комнатка наполнилась тяжким духом перегара.

– Чего морщишься?! – грозно прохрипел он. – Неча от родного отца нос воротить!

«Родного отца»?! У блондинки волосы встали дыбом от ужаса.

– Вы! Вы! ...не смейте! – возмущённо закричала она, но вышло как-то визгливо и жалко. Как у перепуганной собачонки.

Марине хотелось бежать, бежать из этого странного, кошмарного места, но выход перекрывала грузная, дурно пахнущая фигура. И девушке осталось только затаить дыхание, замереть в углу. А мужик отцепился от косяка; изрядно качаясь, он сделал пару неверных шагов, то ли икнул, то ли пукнул и повалился на диван. Эти руины наверняка когда-то были диваном.

– Дочка, – заревел он, – включи телевизор и принеси отцу пива.

Оказалось, тот пыльный короб, стоявший на табурете возле окна был телевизором.

– А где же пульт? – беспомощно спросила девушка.

Гадливо морщась, Марина стала озираться вокруг. Кроме табурета со старинным телеком и кучи хлама под названием «диван» в комнате ничего не было, только обрывки засаленных жёлтых обоев, угрожающе свисали со стен. Мужик отвратительно хрипло заржал.

– Пульт! Какой пульт? Дура! У нас его отродясь не было. Телевизор-то ламповый! – он закашлялся, сплюнул, прямо на пол, потянул к Марине грязную лапищу, – ручками переключай, ручками...

Девушка сделала над собой усилие, решила прикоснуться к круглому переключателю на пыльном ящике. Тот туго повернулся, резко шёлкнул, и выпуклое стекло залил мутный свет.

– Вот, то ли дело, а то пульт ей подавай! – не унимался хрипун. – Пульт... ха-ха-ха! Пиво носи, дура!

Марина выбежала из комнаты, как из ада. Оказалась в душной, тесной, как тумбочка, кухне, рывком распахнула страшную грязную дверь, выскочила на лестницу и бросилась вниз по шербатым ступенькам. В нос ударил тошнотворный запах канализации.

Тёмно-синие стены ошетились облупившейся краской. Перила, изломанные в щепки, ранили ладони. Марина глянула на свои руки, застонала от ужаса. Куда делись её чудные, такие ухоженные пальчики?! Грязные, обгрызенные ногти никогда не знали маникюра. А сухая красная кожа молила о креме.

– А-а-а!

Девушка вырвалась на улицу. Остатки подъездной двери от её резкого толчка рухнули на землю.

– Свобода!

Но и здесь не было... Ничего не было! Ни Москвы, ни приличной дороги, ни нормальных домов... ничего! Даже вдалеке! Вдоль неровной полосы изломанного асфальта стояли покосившиеся двухэтажки, с послевоенных фотографий.

– Где я?! Когда?! – в отчаянии закричала девушка.

До неё донёсся только отдалённый развесёлый гогот.

– Нет, нет. Это сон! Просто сон! – успокаивала себя блондинка. – Мне надо проснуться! Надо быстрее проснуться!

Марина сморщила нос, вся напряглась, сосредоточиваясь, но не могла вспомнить другого способа себя разбудить, кроме как сильно ущипнуть. Она так и сделала...

– Ой!

Не помогло. Всё осталось на своих местах: убогий халатик, грязные ногти, облезлые дома и даже низкое серое небо. Испуганная девушка повторила маневр.

– Ой! Ой-ой-ой!

Ничего не менялось... Страшно, непонятно...

– Холодно! – ёжась, жаловалась блондинка.

Она, только теперь, глядя на безнадежно-голые ветви кривого дерева, припомнила:

– Уже осень. Октябрь... А год? – вздрогнула девушка. – Какой здесь год?! В наше время люди не могут так жить.

Марина беспомощно озиралась. Убогая улочка не была пустой. К немалому своему удивлению, блондинка увидела массу людей.

– Как я их могла не заметить?! – растерянно пробормотала девушка.

Впрочем, двигавшихся вокруг субъектов трудно было назвать людьми. Поголовно все были пьяны. Некоторых ещё выручал природный автопилот, и они по странной траектории, но всё же шли вперёд. Другим уже и он не помогал. Двое таких ходоков долго не могли поделить тротуар, толкались и спорили. Пока один из них не потерял равновесие окончательно, опустился на четвереньки, постоял так раскачиваясь, охнул и лёг. Через мгновение храп дополнил его счастливую улыбку. Товарищ только махнул на него рукой, опёрся о стену дома и поплёлся вдоль неё. Марина смотрела на них глазами, полными слёз.

– Господи, с кем же здесь можно поговорить?! – застонала блондинка.

Когда на злополучном тротуаре показалась чистенькая старушка, согбенная тяжестью двух здоровенных сумок, девушка бегом бросилась к ней.

– Извините за странный вопрос. Где я?

Старушка посмотрела на неё с состраданием.

– Здесь, милая. В нашем родном городе.

Марине от такого ответа легче не стало.

– А какой сейчас век? – решила спросить она.

– Ох, милая, – совсем жалостливо вздохнула бабушка. – Двадцать первый, болезная.

Блондинка застыла. Её словно ледяной водой окатили.

– Как, как... такое... такое возможно?! – бормотала девушка.

Старушка объяснять не стала, ушла. Порыв осеннего ветра заставил Марину очнуться.

– В тепло. Мне срочно надо в тепло, – повторила девушка.

Но она только глянула назад на подъезд, из которого вырвалась, болезненно поморщилась и отрезала:

– Ни за что!

Тяжёлый подъездный дух заставил блондинку отшатнуться от облезлого дома, повторить решительно:

– Ни за что!

Она повернулась и заспешила куда-то влево, вдоль улочки. Увидев впереди мужчину в солидном длинном пальто, Марина обрадовалась ему как родному, прибавила шагу, бросилась за ним.

– Стойте! Стойте! Да стойте же!

Никогда ещё она так никого не преследовала. Высокий мужчина её не слышал, быстро шагал по своим делам. Семеня за ним, девушка успела рассмотреть его элегантное пальто от хорошего дизайнера, дорогие ботинки, чёрные кожаные перчатки, даже белый шарф.

«Такие щёголи пешком не ходят. Мне повезло!» – успела подумать блондинка.

Незнакомец казался в этом месте неуместным видением. И как видение молча ускользал.

– Стойте, пожалуйста! – всхлипнула готовая разрыдаться Марина.

Она уже утратила надежду привлечь внимание незнакомца, когда он неожиданно повернулся и со снисходительной улыбкой посмотрел сверху вниз на девушку. Марина смутилась, съёжилась, представив какое впечатление должен производить её жалкий вид.

– Что-то не так? – насмешливо спросил незнакомец.

И блондинку прорвало:

– Всё! Всё не так! Халат, ногти, телевизор, папаша... – девушку передернуло. – Ужас! Кошмар! Катастрофа! Кругом пьяные! Холодно! Что происходит?!

Незнакомец слушал, не перебивал, даже кивал согласно. Марине показалось, что он всё понял, что он знал всю её историю.

– Что случилось? Что это такое?! – набросилась на него девушка.

– Жизнь, – просто ответил мужчина.

– Но это не моя жизнь! – воскликнула блондинка.

– Твоя, – мягко повторил он, – стоило твоей маме выйти замуж за красавца Серёгу, о котором она так часто вздыхает. Твоя жизнь была бы именно такой.

– Так этот пузатый пьяница – это тот самый Серёга?! – ужаснулась девушка. – А мама так вздыхает...

– А помнишь, сколько раз ты сама повторяла, как хотела бы быть дочерью Сергея. Что ж тебе не нравится?

– Не нравится! Страшно не нравится! Я домой хочу! Верните меня обратно! – заплакала Марина.

– Тогда на, держи, – с этими словами незнакомец вложил в руку девушке сотовый телефон и исчез.

Она растеряно озиралась. Всё было на месте: облезлые дома, голые деревья, алкаши. Только от эlegantного мужчины не осталось и следа. У бедной блондинки не было сил удивляться.

– Хорошо хоть телефон не пропал, – пробормотала она и принялась набирать отцовский номер.

Знакомая модель, чёрный корпус, тот самый злополучный подарок... Цифры путались... пальцы дрожали...

Марина не поняла, что произошло. Просто внезапно стало тепло. Девушка оглянулась...

Расцвела, засмеялась, раскинула руки, закружилась. Дома! Она снова была дома! Здесь ничего не изменилось. Блондинка горячо расцеловала сотовый, монитор, клавиатуру...

Как же здесь всё было красиво, современно, уютно, хорошо пахло. Марина нежно погладила яркий шёлк своего халатика, полюбовалась каждой веточкой сакуры на своих холёных ноготках.

– До чего же я счастливая!

Улыбка Алексея Михайловича

Вася Петров разглядывал комнату друга Костика, раскрыв рот. Он был уверенным, рослым, русоволосым студентом экономического факультета, принципиально одетым во всё джинсовое классического синего цвета. Часто хихал и тёр большим платком курносый нос.

– Ты почему молчал, что прячешь здесь такое богатство?!

– «Богатство», – горько усмехнулся Костя.

Смуглый, кудрявый, похожий на цыгана, в тщательно выглаженной белой рубашке и в брюках со стрелками.

– Если бы в школе узнали, дразнили бы ботаником; помнишь, как доставалось Игорьку – сыну профессора физики. А мой папаша – профессор-историк, мне бы и вовсе дорого обошелся!

– Ну, в школе ладно... Пчи!.. а в институте-то надо было рассказать, что у тебя дома настоящий музей.

– Да как-то к слову не пришлось.

– Нет, ты не прав! На первом курсе было самое время! – убеждённо заявил Петров. – Все как раз познакомились и хвастались друг перед другом кто чем, а у тебя был такой прекрасный повод. Знаешь, мой папаша любил повторять, что всё надо делать вовремя и никогда не откладывать, чтоб не сделать себе только хуже!

Вася всё не мог закрыть рот, озирался, вздыхал восторженно:

– Ух ты! Вот это да! Как ты мог молчать! А это что?!

Все стены комнаты были заставлены высокими книжными шкапами. Бесконечные полки занимали раззолоченные фолианты, странные статуэтки, загадочные обломки камней и даже звериные черепа. Многие предметы казались гостю необъяснимыми и сказочными. А Костя, скучая, смотрел на них, давно привыкнув переставлять артефакты, протирая пыль с полок.

– У отца ещё есть большая коллекция старых монет, – бесцветно произнёс он, – трясётся над ними, как больной, не понимаю.

– Ты что! Пчи! Пчи!

– Будь здоров!

– Спасибо... Коллекция – это же так интересно! А монеты очень старые?

– Он больше всего гордится уродливой медной кругляшкой, твердит, что эта копейка времен Медного бунта.

– Это что ж с 17 века? – изумился Вася, – пчи... пчи...

– Да ты знаток, – усмехнулся Костя.

– Это всё, что я знаю про Медный бунт, да и вообще про 17 век, – отмахнулся от него друг. – Ну что, покажешь монету-то?

– Покажу, пока отца нет, а то он разведёт лекцию на 3 часа.

Парень полез в один из шкафов, извлёк оттуда толстый нарядный том, похожий на большой фотоальбом.

– Вот над этим папаша и чахнет все вечера!

Он открыл, стал показывать аккуратно рассортированные и подписанные, закреплённые в прозрачных кармашках отцовские реликвии. Петров, не знавший ценности каждого экземпляра, смотрел невнимательно, чихал и всё торопил.

– Ну, где? Где твой драгоценный медняк?!

– погоди, папаша его всегда в самом конце показывает, как редкое чудо, что он в ней нашёл, ладно монета была бы большая и золотая, а то мелкая и кривая денежка – копейка!

Монетка и в прям была небольшая, с одной стороны можно было различить силуэт Георгия Победоносца с копьём, а на другой надпись и вовсе почти стерлась. Едва увидев медную редкость, Петров спросил с придыханием:

– А можно я её подержу?

– Держи, – равнодушно согласился друг.

Парень выхватил монету из кармашка, и как только она оказалась в его пальцах, ощутил нестерпимое желание проверить её на зуб, настоящая ли? Сконфуженно вынул изо рта, густо покраснев под презрительным взглядом старого друга.

– Фильмов насмотрелся, – фыркнул Костя.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – пожал плечами Вася.

Простившись с другом, он выходил из подъезда, глубоко задумавшись.

– Чертовщина какая-то, пчи... на фигу мне кусать эту дрянную деньгу?! Сколько народу её лапало! Тьфу! Гадость!

Он сплюнул прямо на асфальт, разрисованный цветными мелками. Кто-то провёл жирную черту поперёк дороги и написал, словно в издёвку: «Не переступать!»

Вася шагнул и...

Свалился на грязный земляной пол, поднимаясь, увидел свои босые ноги, крикнул взбешённо:

– Э, где мои кроссовки?!

Дальше хуже, стал рассматривать себя и вовсе растерял все слова:

– О-о-о, у-у-у!

Вместо любимых джинсов на нём были грубые полотняные бесформенные штаны, напоминавшие мешковину, на поясе они были перехвачены пеньковой верёвкой. На плечах красовалась такого же серого полотна широкая рубаха.

– Что это? Как это?

Вася стал испуганно озираться: низкий потолок, чёрные от копоти бревенчатые стены, крохотное, почти не дающее света оконце, грубо сколоченные полаты, занимавшие полкомнаты, заваленные тряпьем, и открытый очаг без трубы – повергли весёлого студента в ужас. Он так стремительно ринулся к низкой двери, что лоб расшиб о притолоку. Схватившись за гудящую голову, Петров вывалился на двор из тёмного дома, но здесь было ещё хуже. Парень сразу наткнулся на грязную,

громко хрюкавшую свинью. Тесный дворик ограничивал высокий деревянный забор. Из открытого хлева тошнотворно несло навозом.

– Матерь божья! Что ж это делается?! – жалобно завопил студент. – Я в деревне! Ещё в какой деревне! Этого быть не может! Верните меня на место!

Он зачем-то погрозил хмурому небу кулаком. Больше всего будущего экономиста пугало то, с какой легкостью ему вспоминались специфические деревенские словечки.

– УУУ! Зелёные человечки! – закричал он почти радостно, найдя оригинальное объяснение случившимся с ним странностям. То ли инопланетяне попались бесстрашные, то ли дело было совсем не в них, но чёрная избушка и хлев упрямо не пропадали. А к вонючей свинье прибавился пролезший через щель в некрашеном дощатом заборе рыжевато-коричневый мерзкий козёл. Он тряс отвратительной бородой, враждебно смотрел на студента. Потом вовсе опустил голову, выставил вперёд рога и побежал на него.

– Мамочки! – взвизгнул будущий экономист и отпрыгнул в сторону.

Не видевший этого козёл продолжал мчаться вперед, пока не ударил своими острыми рогами в стену чёрной избушки. Искры он не высек, но долбанул так сильно, что рога глубоко вошли между брёвнами. Воинственный зверь напрягся, дёрнул со всей силы, заблеял громко, испуганно, пытался трясти головой, но не мог даже шевельнуться.

Петрову некогда было праздновать победу. В высоком заборе со страшным скрипом открылись ворота, и в их широком проёме появилась необъятная фигура; вошедший был столь широкоплеч, высок и пузат, что показался студенту невероятным гигантом. Загорелый, краснолицый, бородатый мужчина в кожаном фартуке, вытирал о грязную тряпицу огромные лапища, увидев испуганного парня, загремел разъярённо:

– Вот ты где, сукин сын! Пошто из кузни сбежал, дурень?!

– Я...

– Вот так и сынок у меня! Я его хотел к себе на монетный двор пристроить, клялся дьяку, что меха раздувать некому, а ты от работы убёг!

– Монетный двор... – промямлил будущий экономист.

– Кого попало туда брать не будут! Царские монеты чеканят! За каждую копейку головой отвечать придётся! Дьяки глаз не спускают с каждой заморской гинеи и динары. Пока мы её в наши копейки, деньги, полушки превращаем, а потом и того пуше, а ты!.. Поди сюда, я тебя выпорю за ослушание!

– Не-е-ет! Только не это!

Петров бросился наутёк, кое-как втиснулся в щель забора, проделанную козлом. Не разбирая дороги, продирался через кусты и крапиву. Не замечал царапин и хлётких шлепков гибких веток. Ему казалось, что стоит только вырваться из тесного страшного двора, как он сразу окажется под сенью родных многоэтажек, на асфальтной глади. Вывалившись из кустов, он готов был выть, увидев перед собой раскисшую грязную дорогу в

огромных глубоких лужах, высокие дощатые заборы и худую корову, флегматично жующую траву на обочине.

– Невозможно! – твердил скептик. – Этот мужик принимает меня за своего нерадивого сынка! Бред! Ну почему?! Почему это приключилось именно со мной. Это всё из-за имени! Что за деревенщина – Вася Петров! Надо было давно сменить имя. С каким-нибудь Валерием или Дмитрием – такого бы не случилось!

– Васька! – подтверждая его горькие мысли, радостно крикнул шедший навстречу худощавый конопатый парень.

– Идите вы все! – завопил студент и ринулся обратно в жгучую крапивную зелень.

Там он присел на корточки, скукожился и сам себя пожалел, так мал и одинок он был в этом чужом непонятном мире. Петров раскачивался из стороны в сторону, держался за голову и готов был плакать, как девчонка.

– Эй, ты чего?

Встретившийся на дороге парень не хотел оставить несчастного экономиста в покое, залез в кусты и ошарашено смотрел на странное поведение приятеля. На всякий случай Василий решил взять себя в руки и не поступать как безумец, а то мало ли чего.

– Да-а так, оса под рубахой... – не слишком остроумно соврал он.

Как ни странно, его приятель вполне удовлетворился ответом, некрасиво растянул рот в радостной улыбке.

– А я гляжу, ты в кусты диранул, как ужаленный.

– Я и есть ужаленный, – ворчливо ответил Василий.

Он с неудовольствием осознал, что отлично помнит этого парня – его хмылки, большие уши и глупые речи. Даже имя помнит.

– А хорошо тебя назвали Дмитрием!

– Ага! – радостно закивал парень. – Отец любит повторять, что в честь князя, победившего врагов на Дону. Отец у меня очень умный. Он даже знает, почему сейчас серебряные деньги меняют на медные.

– А что, меняют? – удивился Петров.

– Ты что, с луны свалился?! Уже давно налоги собирают старым серебром, а жалование платят медной требухой. За 1 серебряный рубль нынче торговцы просят 17 медных. Батя говорит, что это всё из-за войны с поляками царю денег не хватает менять деньги один к одному. Да ты не можешь не знать, твой-то отец на денежном дворе кузнецом.

– Не говорит он ничего, – поморщился студент, – только прибить грозится.

– Да, батя у тебя суровый, – с уважением сказал Митрий.

– Митя, ты всегда всё знаешь, что сейчас в городе творится?

– Странное творится, что-то нынче будет. Народ хочет идти в село Коломенское к царю, с челобитной, просить отменить медные деньги, уже с утра толпа собирается.

– Столько времени терпели, а теперь что ж?

– Сегодня на Лубянке нашли листы, где, как четырнадцать лет назад, во всём винят князя Милославского да Васюку Шорина. Я слышал, народ уже пошёл громить дом гостя Шорина, что пятую деньгу собирает.

– А чего четырнадцать лет назад было? – тупо спросил студент-экономист.

Приятель посмотрел на него как на больного, потом хитро сощурился, решив, что тот притворяется, но ответил:

– Народ бузил из-за цен на соль, налоги допекли.

– А-а-а, – протянул Василий, сделав вид, что понял, о чём речь, и собрался было по привычке чихнуть, но тут вдруг понял, что от его насморка не осталось и следа. Тогда он сделал суровое лицо и добавил глубокомысленно, – м-мда.

– Побежали смотреть, что из всего этого выйдет, – предложил Митрий.

Петров только кивнул, ещё не представляя, к чему его может привести любопытство. Ушастый приятель повёл Васю тайными, только ему одному известными тропками, и уже вскоре парни выбежали на развезжую, петлявшую между полями дорогу.

– Здесь до Коломенского рукой подать. Смотри, а вон и мужики, – воскликнул Митрий, – идут, кричат, ругаются, грозятся. Интересно, на что они решатся.

– Оружия не видно, – заметил будущий экономист.

– Откуда у них оружие! Обычно вилы или топоры. А сейчас всё мирно. Не видно ничего такого.

– Может, безобидных царь выслушает?

– Вряд ли, опять казнит всех как бунтарей.

Вот когда Петров горько пожалел, что плохо учил в школе историю, ему бы сейчас взять да и вспомнить, что там пишут в учебниках про медный бунт. Кого казнят, как казнят. Но как он ни напрягал память, так ничего и не вспомнил, кроме отчества царя. Он сразу решил блеснуть знаниями:

– Говорят, Михалыч добрый государь.

– Алексей Михайлович бывает и суров. Зря ты его так запросто, словно родного дядьку.

– Так никто ж не узнает, – легкомысленно отмахнулся студент.

– Бог всё видит! – испугался его приятель. – Негоже так о Божьем помазаннике.

– Ладно, ладно не буду! – пообещал Петров, так и не проникшись уважением к владыке Руси.

Между тем шустрые парни нагнали шумную ватагу мужиков, и сами не заметили, как оказались в самой гуще.

– Вот уж не собирался я сегодня участвовать в массовых гуляниях, – ворчал себе под нос будущий экономист.

Он даже пытался выбраться из толпы и тянул с собой приятеля, но тот ни в какую не поддавался, воодушевлённый участием в чём-то великом и государственном.

– Ну, какое тебе дело до этих гостей и князей?! – увещевал его студент. – Чую, добром всё это не кончится, после любого бунта бывают только расправы и казни. Достанется нам на орехи, достанется.

– Ты почём знаешь?

– В книжке читал, – буркнул Вася.

– Да ты читать умеешь?! – поразился тезка Дмитрия Донского.

– Так, чуток, – спохватился будущий экономист, – разбираю некоторые слова.

– Ну, ты даёшь! – радостно воскликнул парень. – Будет тебе трусить, пошли с мужиками.

– Мы и так идём, – недовольно констатировал Петров, – тащимся невесть куда, вместе с бестолковыми мужиками.

– Чё это – невесть куда! В Коломенское идём, к царю, челом бить, требовать справедливости.

– Так челом бить или требовать? – хмуро уточнил будущий экономист.

– Там видно будет, – отмахнулся Митрий.

Между тем ватага мужиков уже приблизилась к царскому селу. Здесь, в загородной резиденции, у Алексея Михайловича войск совсем не было. Не ожидал монарх вдалеке от Москвы встречи со своим народом. Мужики у стен нарядного терема были для царского семейства полной неожиданностью. Пока собравшиеся во дворе выкрикивали свои просьбы и требования, Петров жадно разглядывал жилище персонажа из учебников. Большой деревенский дом, украшенный резными крылечками, башенками и пристройками.

– Чё ж у царя всё из дерева? – снисходительно поинтересовался он.

– Так тут же деревня, большие каменные палаты в Москве остались.

На крыльцо выбежала сенная девка. Глянула перепугано, выпалила:

– Нет здесь царя, в церкви он.

И опротясь убежала обратно в терем, хлопнув дверью, будто за ней гнались.

– К церкви, надо идти к церкви! – зашумели мужики.

– Он из церкви выйдет добрый, надо там с ним говорить.

Студент-экономист вновь предпринял попытку выскользнуть из толпы и юркнуть в кусты. Однако мужики, испугавшись собственной дерзости, так плотно жались к друг другу, что ему не удалось даже с места сдвинуться. Сгрудившись, сбившись, словно рыбы в плотный косяк, челобитчики двинулись к высившейся поблизости сиявшей новеньким резным кружевом, церковке.

«Нет ещё у русских царей гигантомании», – размышлял студент.

Даже подойти близко к божьему храму бунтари не решились. Остались ждать Алексея Михайловича на широком церковном дворе. Нетерпеливый Вася вновь попробовал выбраться из толпы, стоявший рядом плечистый мужик рассердился, дал ему тяжёлый подзатыльник.

– Не сикати! Стой спокойно! – басовито сказал он.

И будущий экономист смирился.

«Может, обойдётся».

Не помнил он в истории ни одного бунта, чтоб обошлось без страшной расправы, так он вообще мало что помнил в истории. Может, и было, а он просто не в курсе. Всё же Петров не смог сдержать тяжёлого вздоха.

«Вот угораздило, невесть где, невесть когда, один, совсем один», – сокрушался Петров.

Кроме всего прочего, ему из толпы почти ничего не было видно, только хмурое небо да куполок церкви. Студент догадался о том, что царь вышел к народу по общему глубокому вздоху да потому, с какой невероятной силой сжала его толпа. Алексей Михайлович беседовал с мужиками негромко, так что слышали его только стоявшие рядом. Вася напрасно напрягал слух, всё перекрывало свистящее дыхание полного носатого соседа и комментарии широкоплечего бородача.

– Точно, точно, так оно и есть, батюшка, так и есть.

– Верно говоришь, батюшка! – решил крикнуть Вася, чтоб не отличаться от стоявших рядом.

Внезапно мужики одобрительно зашумели, подались в сторону. Вокруг Петрова образовалось свободное пространство. А прямо перед собой обалдевший студент увидел тёмноволосого мужчину с аккуратной подстриженной бородой, пухлыми щеками и большими тёмными глазами. Его длинная из дорогой красной ткани с широкими рукавами одежда придавала солидности его приземистой фигуре с изрядным брюшком.

– Царь... – выдохнула толпа.

Алексей Михайлович поправил отороченную мехом шапку, улыбнулся толстыми губами:

– Ну, здравствуй.

Петрову адреналин вдарил в кровь. «Это он со мной здоровается!» – подумал Вася восторженно, а царь продолжил мягко:

– Ну что, согласны вы с моими условиями? Не станете больше жечь гостей Московских?

– Согласны! – дружно загудела толпа. – По рукам!

– Пусть так, – согласился мудрый монарх и протянул Василию свою холёную широкоую ладонь.

Петров и очнуться не успел – пожал мягкую руку царя. Со всех сторон громко одобряюще закричали, заулыбались, принялись хлопать сына кузнеца по плечу, хвалить за смелость. Алексей Михайлович тоже милостиво улыбался. Неспешным вальяжным жестом стал выпроваживать мужиков со двора.

– Ступайте, ступайте.

Прежде лишённый всякого священного трепета перед властью, захваченный врасплох общим ликованием, Вася Петров светился от счастья. К нему подскочил неизвестно где пропавший Митрий.

– Ты молодец! С самим царем по рукам ударил! – восторженно брызгал слюной он. – Такое везенье вообразить нельзя! Это ж надо! Сын кузнеца с самим царем!

Народ гудел как растревоженный улей. Медленно брёл по дороге обратно к Москве, все мужики улыбались, словно только что получили ценный подарок. Никто и не задумался о том, что царь не станет делать того, о чём мечтают простые горожане. Да он и не обещал ничего конкретного. Но все были счастливы тем, что видели самого царя, тем, что Алексей Михайлович добр и улыбчив, и тем, что не встретил их злыми стрелецкими саблями. Когда стали подходить к городу, удачливых гонцов уже встречали зеваки. Смотрели, разинув рты. Тыкали пальцами. Не верили рассказам о невероятном везенье.

Вдруг Васе показалось, что среди людей, толпившихся вдоль дороги, мелькнуло как всегда сосредоточенное лицо Кости.

– Быть не может! – воскликнул студент и, растолкав шедших рядом, бросился догонять друга. – И почему здесь люди такие бестолковые! – проворчал он и крикнул страшно. – А ну, расступись!

Если бы студент только попытался высказать всю бурю эмоций, порождённую в нём этим его странным приключением в далёком чужом времени, он не нашел бы слов, только бы громко выкрикивал странные звуки да размахивал руками. Петров так решительно расталкивал вялую толпу любопытных, что люди стали шарахаться от него. Но Вася не обращал внимания ни на тучных баб в цветастых сарафанах, ни на бородатых мужиков, в августовскую теплынь носивших шапки, ни на бесчисленных полуголых ребятишек. Будущий экономист видел перед собой только знакомую сутулую спину институтского приятеля – Кости.

– Стой! – заорал он ему во всю силу лёгких.

Сын профессора испуганно остановился, втянув голову в плечи, словно ожидал удара.

– Ты чего?! Это же я! – поспешил его успокоить Петров.

Костя посмотрел на приятеля мутным взглядом, спросил бесцветным голосом:

– Ты здесь откуда?

– Оттуда, откуда ты! – кипятился студент.

Ему показалось, что Костя его не узнаёт. Петров глянул на сокурсника внимательней. Он был одет так же, как все горожане: в льняные серые штаны, широкую рубаху. На голове – шапка, лицо бледное, растерянное.

– Эй! Тебе что, голову напекло! Или как там это называется?! – тепловой удар!?! – воскликнул Вася. – Зачем тебе шапка летом?

– Так надо.

– У-у-у, зануда!

Вася схватил приятеля за плечи, принялся энергично трясти:

– Очнись, очнись, чучело! Нас здесь только двое из другого времени! Нельзя впадать в спячку! Соображай быстрее, что делать?!

– Бежать!

Костя схватил друга по несчастью за руку и потащил за собой, да так быстро, что Вася ничего и сообразить не успел. Только в ближайших зарослях черёмухи они остановились и перевели дух.

– Чего это ты?! – выпалил Петров.

А Костя глянул на него совсем по-другому, трезво и холодно. Зашептал торопливо:

– Не ори, лучше, чтобы нас никто не заметил, ты что – историю не знаешь, сейчас такое начнётся. Царь Алексей Михайлович карать будет всех без разбора.

– Он... карать! – рассмеялся Вася. – Да царь душака! Я сам ему руку жал. Мягкая такая, тёплая.

– Это он потому был душкой, что остался один, а теперь пришёл в себя, послал стрельцов перебить бунтарей.

– Не бунтарей, а челобитчиков, мы ж безоружные к нему в деревню припёрлись.

– Это первая ватага пошла без оружия, челом бить, а по другой дороге из Москвы в Коломенское уже мужики валят, злые, вооружены чем попало – кольями, серпами, топорами. Против них царю несдобровать. Довели народ до крайности медные деньги.

– А какая разница? Медные, серебряные?

– Дурак, инфляция! Медяки уже ничего не стоят, а налоги требуют серебром.

– Так ты точно знаешь, что дальше будет? – присвистнул студент-экономист.

– Я помню, что в учебниках написано, а может, в жизни всё совсем по-другому было, в любом случае, нам лучше держаться подальше от толпы.

– Выходит, что мне страшно повезло, что я попал в первую, а не во вторую толпу.

– Сказочно повезло, вот чуть-чуть бы позже ввязался в это дело и увидел бы не улыбчивого Алексея Михайловича, а только вооружённых стрельцов, – очень серьёзно сказал Костя.

– Так что, мы будем сидеть и бездействовать в этих кустах? – возмущённо воскликнул обладатель редкого дара успевать вовремя. – Или, может, поищем способ вернуться?

– Вряд ли нам это удастся сейчас, – скептически заметил сын профессора, – вот-вот в городе начнутся такие события, что нам лучше спрятаться и затаиться.

– Так что ж, мы даже одним глазком не глянем на исторический момент? Что мы потом сможем рассказать в институте?

– Если мы попадёмся стрельцам, то делиться впечатлениями нам не придётся больше никогда. Мне бы твою уверенность, что мы попадём в институт.

– Конечно, вернёмся, не будь таким пессимистом. Может, это вообще сон, и мы вот-вот проснёмся.

– И чей это сон? Твой или мой? – ехидно спросил Костя.

– Ну, почём я знаю, – поморщился студент, – но сидеть в этих кустах я больше не намерен.

– Хорошо, пойдём в другие кусты; насколько я помню, теперь главные события развернутся около реки.

Приятели рискнули высунуть нос на опустевшую дорогу. Но не успели сделать и десяти шагов, как на них налетел Митрий.

– Васька! Вот ты где! А я думал, куда ты вдруг подевался. Сбегал в одну сторону, в другую, как сквозь землю провалился. Тебя батя разыскивает. Ох, всыплет!

– Бежим отсюда! – взвизгнул Вася.

Он схватил за руки обоих и потащил за собой куда-то в узкий переулок между двумя высоченными заборами. Петров очень спешил, не разбирая дороги, думал только о громадных кулаках краснолицего кузнеца. Не сдерживал рвавшихся с губ ругательств.

– Вот чертяга! Чего пристал?! Папашей назвался, дубина! Не нужны мне такие папаши! Ни за что не пойду на его двор! Один козёл там чего стоит!

Парни спешили следом за ним, каждый по-своему понимал его слова.

Неожиданно заборы кончились, и беглецы оказались на большом заросшем бурьяном и полынью пустыре.

– Куда теперь? – резко повернулся Петров к Митрию, словно не он сам затеял эту беготню. Тот только пожал плечами, а Костя деловито осмотрелся и скомандовал:

– Туда!

– Неужели ты и в этом городе ориентируешься? – усомнился студент.

– Что там?

– Там кусты, гуща.

– И только-то?!

– Это всё, что нам сейчас нужно, чтобы спрятаться и отсидеться, – строго произнёс сын профессора.

– А от кого мы прячемся? – подал голос Митрий.

– От царя.

– Что ж, он сам за нами придёт?! – наивный парень поражённо уставился на приятелей.

– Много чести, – фыркнул Костя, – стрельцов пришлёт.

Эти его слова прозвучали так грозно, что больше никто не стал с ним спорить. Парни добежали до тесно стоявшего черёмушника, нырнули под сень листвы, присели на корточки, даже дыхание затаили. Митрий громко икнул от страха и спросил шепотом:

– А что дальше?

– Как мы определим, что бунт окончен? – шлепнул назойливого комара Петров.

Костя не ожидал столько вопросов, не знал, что сказать:

– Ну... скорей всего...

– Так ты не помнишь, сколько продолжалась расправа и когда нам можно выбраться без опасности попасть под горячую руку солдат? – возмутился Вася.

– Погодите, погодите, о чём это ты? – потянул его за рукав Митрий.

– Понимаешь... – принялся подбирать понятные слова студент-экономист, – не всем так везёт, как нам с тобой. Они сами злые и царя разозлили.

– Пока мы здесь болтаем, москвичи подняли настоящий бунт, – пришёл к нему на помощь сын профессора, – ты же помнишь, как жестоко расправились с выступавшими?

– Ага, батя рассказывал про соляной бунт, – закивал Митрий. – Ужас!

– Так вот, в городе начинается тоже самое.

– А ты почём знаешь? – икнув, спросил Митрий.

– Верный человек шепнул, – нашёлся Петров.

Такой ответ вполне успокоил продрогшего парня, но сам Вася забеспокоился.

– Слушай, Кость, нам срочно надо узнать, что происходит, не можем же мы здесь сидеть бесконечно. Нам надо домой, ведь иначе застрянем навсегда! – он в отчаянии замотал головой.

Его сокурсник напустил на себя важности, произнёс солидно:

– Я полагаю, мы могли бы пробраться к реке, чтобы из укрытия видеть, когда опасность минует. Но где, хотел бы я знать, здесь река?

– Я знаю, – обрадовался Митрий, – я покажу.

– Идём.

Паренек почувствовал себя главным, приосанился, надул губы, важным медленным движением повёл рукой:

– Смотрите сами, сколько здесь комаров, верный признак – вода совсем рядом, нам нужно будет только обойти вон ту церковь и сразу окажемся на берегу реки.

– Берег-то пологий? – зачем-то уточнил студент.

– Низкий, гладкий, будто корова языком вылизала.

– Насколько я понимаю, – насупился Костя, – историческая расправа произошла именно на таком берегу. Имеет смысл и нам туда направиться, только...

– Там найдётся, куда спрятаться всем троим? – закончил за него Петров.

Митрий поскрёб в затылке, убил на щеке комара, только потом ответил:

– А как же! Там рядом забор, хороший такой забор, через него в щель будет всё видно.

– Забор? Как мы окажемся за ним?

– Говорю же, там почти на берегу церковь, у попа огородик, поставили забор от коров да свиней, но я знаю, как за него пробраться. Что, вести?

– Веди!

Предводительствуемые высоко задравшим нос Митрием, приятели отправились к реке, сами не зная, с какой целью. Вася старался запомнить дорогу, но его новый приятель так петлял и часто сворачивал в только ему известные подворотни, что будущему экономисту пришлось отказаться от этой идеи. Когда Петрову уже стало казаться, что Митрий заблудился и берег реки вовсе недостижим, тот неожиданно ткнул пальцем в стоявший перед ними грубосколоченный из неструганных досок забор.

– Вот дырки, смотрите, весь берег как на ладони.

Студенты прильнули к забору через круглые отверстия от сучков. Действительно, была отлично видна река и широкий пологий берег.

Вася только взглянул и отпрянул.

– Вот кошмар! – вырвалось у него слишком громко.

– Тише! – хором зашипели его спутники.

Парень решил посмотреть ещё: весь берег был усеян изрубленными трупами. Многие лежали у самого забора и казались Петрову ужасающе близкими. Он отлично видел застывший на лицах ужас, широко раскрытые остекленевшие глаза, темневшую на песке кровь. Весь воздух был пропитан громкими криками отчаяния и злыми голосами стрельцов. Вася с трудом оторвал взгляд от страшной картины внизу и оцепенел от страха, в голове не укладывалась реальность всего происходящего на берегу, телевизионные военные сцены разом померкли: совсем рядом живые рассвирепевшие стрельцы в длинных кафтанах саблями рубили безоружных растерянных горожан в серых льняных рубахах. Кто-то из них ещё пытался защищаться длинными палками, но острая сталь легко крошила их. Мужики пятились к реке, а стрельцы наступали. Многие из них уже стояли по колено в воде и шаг за шагом заходили все глубже. Студент зажмурился. От страха ему стало холодно. Ледяное дыхание ползло по спине, зуб на зуб не попадал. Парень глянул на своих приятелей. Митрий, не выдержав, опустил на корточки и, закрыв лицо руками, раскачивался из стороны в сторону, причитал горестно, как старушка на похоронах; Костя прижался к забору, не отводил глаз, зло сжал кулаки, на его лице застыло негодование.

– Надо что-то делать, нельзя сидеть здесь и смотреть!

Гневные слова прозвучали у Васи как-то жалобно, а Костя только фыркнул раздражённо:

– Хочешь умереть вместе с ними? Историю не изменить, на самом деле нас с тобой здесь не было.

– Но мы же здесь...

– Ты хочешь здесь и остаться? – жёстко спросил сын профессора.

– Нет, но...

В это время Митрий издал беспомощный стон и повалился на землю. Он лежал и смотрел в одну точку, совсем как те, за забором.

– Он что, тоже умер? – испугался Петров.

– Вряд ли, раньше люди были гораздо крепче нас. Скоро очухается, – равнодушно бросил его сокурник, – идём, нам нужно поторопиться, если ты всё ещё хочешь вернуться в своё время.

Оставив несчастного Митрия, приятели двинулись в обратный путь.

– Куда мы сейчас? – спросил Петров.

– На двор кузнеца.

– Зачем? Ни за что! Там козёл! – громко возмутился Вася.

– Будь там хоть целое стадо рогатых зверей, но, похоже, это наш единственный путь обратно, – серьёзный Костя остановился, повернулся к приятелю, – если твои приключения в семнадцатом веке начались с этого двора, значит, там есть проход между временами.

– Боюсь, кузнец сделает всё, чтобы нам помешать.

– Кстати, о кузнеце: если он уверен, что ты его сын, то его настоящий сын должно быть попал в наше время. Подумай о том, что ему сейчас гораздо хуже.

– Бедный парень, – согласился с приятелем будущий экономист.

Между тем, они уже добрались до улицы, на которой Петров впервые встретил Митрия.

– Да тут совсем близко, – буркнул он, – чего ж этот мутень так долго нас водил?

– Для пущей важности. А теперь ты вспоминай, куда нам идти.

– Вон, кажется, в те кусты.

Ступив под сень зелёной черёмухи, Вася задумался:

– Стой, а ты-то откуда здесь взялся? – нелюбезно спросил он Костю.

– Наконец-то, я уж думал никогда не поинтересуешься, – улыбнулся тот. – Медяк пропал, я сразу подумал, что ты, по нечаянности, прихватил его с собой и бросился следом. Выбежал из подъезда, тебя нет, смотрю, на асфальте дурацкая надпись, только шагнул и попал на двор к твоему папаше, то есть кузнецу. Ох, и злющий мужик. Я еле ноги унёс.

– Надеюсь, сейчас его нет дома, а то...

Когда парни решились пробраться через щель в заборе, их сразу атаковал зловредный козёл. Студенты едва успели вернуться.

– Дурацкая коррида получается! – отметил Костя без тени улыбки.

Рогатый охранник заблеял, развернулся и вновь ринулся на непрощенных гостей. Студенты бегом понеслись к почерневшей избе. Неуклюжая свинья, в это время пересекавшая двор, плюхнулась в лужу прямо посередине, так что беглецам пришлось её перескакивать. А злющий козёл не рассчитал прыжка, зацепил толстый бок задними копытами и завалился на хавронью. Свинья отчаянно хрюкала, рогатый пинался и блеял, приятели захлопнули за собой низкую дверь. Но они рано радовались. Прямо перед ними вырос громадный краснолицый кузнец. Низкий потолок не позволял ему поднять головы. И мощная фигура, казалось, занимала полкомнаты.

– Васька! Во-о-от ты где! – радостно загремел кузнец.

– Ага, – прохрипел запыхавшийся Петров.

– А ну, поди сюда! Я тебя...

Приятели, не сговариваясь, не подумав, одновременно изо всех сил зажмурились и прыгнули...

Асфальт был такой твёрдый, но такой родной! Эмоциональный Вася готов был картинно упасть на колени и целовать современное дорожное покрытие, но постеснялся своего сдержанного приятеля.

– Дома! Костя! Мы дома! – не смог он сдержать восторженного крика. – Это же твой подъезд, всё на месте, мы в своём времени!

– Да, всё по-человечески: джинсы, кроссовки... да, а где черта?

Студенты уставились под ноги. Асфальт, мокрый от недавнего дождя, был абсолютно чист.

После дождя

Андрей был уверен, что спит и видит сон. Но гранитная стена перед самым носом была совершенно реальной. Шершавой и холодной. Он не сразу понял, что лежит на дне узкого глубокого ущелья. Тёмная каменная стена поднималась почти отвесно и терялась где-то далеко наверху. Вокруг было темно и мрачно. От камней тянуло холодом и безнадежностью. Стена была страшным, непобедимым воплощением отчаяния. Он вскочил на ноги, принялся шарить по граниту, ища хоть малейший уступчик, чтобы зацепиться. Ему удалось приподняться и начать двигаться вверх, держась только кончиками пальцев и носками то и дело соскальзывавших кроссовок. Андрей изо всех сил упрямо полз вверх. Не зная – зачем, но твердо уверенный, что это единственный выход. Рука нащупала крохотную покатую площадку, он подтянулся, забрался на неё и смог выдохнуть с облегчением. На мгновение чуть-чуть расслабился, прикрыл глаза и...

От мрачной стены не осталось и следа, он сидел один-одинёшенек прямо на старинной истёртой каменной мостовой. С серого неяркого неба сыпались крупные тёплые капли летнего дождя. Андрей провёл рукой по лицу: хорошо, что кошмар кончился. Он оглядел себя, всё как всегда: кожаная куртка, джинсы, кроссовки... вполне современный, абсолютно нормальный журналист. Парень убрал с глаз чёлку:

– Пора стричься.

Рассуждения о парикмахерской заставили внимательней посмотреть кругом. Город как город. Вполне современный, без причуд и странностей из страшных снов. Только город незнакомый. Скорее всего какой-нибудь европейский, где современное стекло и бетон мирно соседствуют с затейливой архитектурой прошлых времён: каменной резьбой, балконами, арочками...

– Значит, так, – парень попытался включить логику, – если это Европа, то я турист; если я здесь один, значит, отстал от экскурсии. Мерзкая ситуация. И где все люди?!

Он сам себя сумел не на шутку встревожить.

– Скорее надо выбираться туда, где можно просто спросить дорогу, – бормотал он и торопился, почти бежал, вдоль узких извилистых улочек.

Прохожих так и не было.

– Неужели я всё ещё сплю? – озадачился Андрей.

Он нырнул под своды очередной низкой арки. Там было совсем темно, и, подтверждая его предположение, тьма только сгущалась. Ещё через десяток шагов Андрей вышел из неё на яркое солнце. Жёлтые лучи ослепили глаза, обдали ласковым июльским теплом. Парень невольно зажмурился. Открыл глаза и воскликнул, поражённый:

– Ничего себе.

В жёлтом солнечном сиянье под ярко-голубым куполом неба, куда ни глянь, разлёгся бескрайний зелёный луг. Ветерок чуть волновал высокие сочные травы, превращая их в подобие морских волн. Далеко, возле самого горизонта, исполином поднимался громадный толстый дуб. Андрею просто не пришло в голову, какое ещё дерево могло вырасти таким огромным. Заранее догадываясь, что там уже нет никакого города, он решил оглянуться, и оказался прав: везде простиралось великолепное море трав. Парень не придумал ничего лучше, как направиться к одинокому дереву. Он руками раздвигал высокие, доходившие до груди травы. Слушал деловитое жужжание пчёл, отвлекался на беспокойных пестрых бабочек, из под ног то и дело выскакивали потревоженные лягушки. Он шёл неторопливо, наслаждаясь летней, солнечной безмятежностью. И совсем неожиданно оказался возле самого дуба. У Андрея создалось впечатление, что это не он двигался к исполину, а дерево само подступило к нему. Здесь травы были гораздо ниже, под сенью кроны стоял тяжёлый стол, а на скамье сидел седовласый старец в белой длинной рубахе, склонившийся над большой толстой книгой.

– Банальный образ, – отметил журналист.

Словно расслышав его дерзкую мысль, старик вскинул на парня светлые глаза. Сощурился лукаво:

– Банально, говоришь?! Ну, тогда пиши сам.

– Что писать? – растерялся парень.

– Это книга судеб, что хочешь, то и пиши.

– Чьих судеб? – тупо переспросил Андрей.

– Ну, чужих я тебе не доверю, а свою собственную можешь посочинять.

Старик протянул журналисту большое белое гусиное перо.

– Присаживайся, начинай.

Лукавый старец растаял в воздухе. Андрей сразу почувствовал себя матёрым журналистом и ловким выдумщиком. Он уселся на скамью, схватил перо, поискал глазами чернильницу, придвинул её к себе и расставил локти на столе, приготовился. Огромный очень толстый фолиант с ослепительно белыми страницами парень даже с места сдвинуть не смог – до того он оказался тяжёлым. Пришлось

начиняющему писателю подвинуться самому. Он обмакнул перо в яркосиние чернила, задумался:

– Сейчас, сейчас... чего бы себе напроорочить?..

«...и буду я много писать, – скрипело перо, – и будут мне платить большие гонорары за всё, что я пишу... и будут редакторы гордиться тем, что знакомы со мной... и буду я богат, здоров и счастлив...»

Чернила кончились; парень обмакнул перо снова, в задумчивости покусал его кончик. Но в голову пока ничего не шло, кроме профессиональных успехов. Он посмотрел вдаль рассеянным взглядом, неожиданно приписал из озорства:

«...и буду я отлично танцевать...»

Андрей был готов приписать ещё что-то, развернуть и обогатить свои смелые планы, но так и замер, широко открыв рот. На голубой безоблачной сини появилась тёмная точка. Летающий объект приближался и стремительно рос в размерах. Ещё через пару минут на травяное море плавно опустился огромный дракон. Аккуратно сложил и прижал к спине тёмные кожаные крылья. Его чешуя переливалась всеми оттенками голубого и зелёного, на спине топорщился острыми иглами алый гребень. По нему то и дело пробегали яркие стремительные искры, исчезая где-то на кончике длинного хвоста, заострённого, как наконечник гарпуна. Дракон присел на больших задних лапах, передними – с длинными чудовищными когтями – скрёб воздух. Разевал пасть, демонстрировал острые зубы, облизывал их длинным тёмным языком. Огромные чёрные драконьи глаза внимательно рассматривали окрестности. Он заметил большой стол и маленького журналиста за ним. Парень едва справился с желанием спрятаться от чудовища и заползти под скамью. Дракон вытянул вперёд когтистые лапы и длинную шею. Открыл пасть и словно в трубочку дунул на Андрея. Над лугом пронеслась струя пламени. Яркая и страшная – как напалм. Парень ощутил страшный жар и, не сомневаясь больше ни минуты, в мгновение ока оказался под массивной крышкой стола. Выглянув оттуда, он с удивлением обнаружил, что адское пламя не повредило зелёной листвы. Дуб по-прежнему высылся – могучий и великолепный. И всё же Андрей решил бежать. Как был на четвереньках, скрываясь в высокой траве, он бросился, куда глаза глядят, прочь от странного места. Дракон пронзительно крикнул, словно взвизгнул, и принялся пыхать жаром – снова и снова. Трава полегла от его обжигающего дыхания, образовав перед зверем ровную ярко-зелёную площадку. Парень остался без защиты. Он поднялся на ноги, вдруг почувствовал себя настоящим героем и, гордо выпрямившись, посмотрел прямо на дракона. Но в голове как на зло, не складывался красивый героический текст. Только крутилась, как заведенная пластинка, последняя фраза, что он написал в книге – «...буду танцевать».

Итак, идей было совсем немного. И журналист, медленно, неуверенно ступая по зелёному «паркету», начал танцевать. Андрей готов был поклясться, что сразу же услышал громкую зажигательную музыку. Богатые

гитарные переборы грянули испанским пасодоблем. Парень старался соответствовать музыке. Горделиво выступал вперёд, крутил запястьями, как будто в ладонях были зажаты кастаньеты. Дракон внимательно следил за ним, по-собачьи свесил набок голову и даже вилял хвостом в такт музыке. Между тем чужеземные мотивы легко перетекли в лихую русскую плясовую. Андрей закидывал руку за голову, отбивал дробный ритм каблуками, только успел поразиться, откуда у кроссовок взялись каблуки. Когда глянул на ноги, у него чуть глаз не выпал: кроссовок и в помине уже не было, их сменили красные сафьяновые сапожки, костюм дополняли синие штаны и белая рубашка с вышивкой. Русская присядка совсем лишила журналиста сил, он запыхался, тяжело переводил дыхание. Музыка сжалилась и, чуть помедлив, полилась, плавно подпевая – раз, два, три... раз, два, три... Мощным плавным потоком полились звуки вальса Штрауса. Андрей стал кружиться в ритме новой мелодии, успев усмехнуться тому, что вальс танцует мужик в народной рубашке. Но по гладкой, как паркет, зелени легко скользили лаковые танцевальные туфли. Особенно журналиста поразил элегантный чёрный фрак. Свободная мысль тут же порхнула к обязательно необходимой очаровательной партнерше в бальном платье, но додумать не удалось... Танцевальные фигуры привели парня вплотную к крылатому чудищу. Грозный дракон теперь удивительно напоминал заворожённо следящего за человеком щенка.

Андрей не удержался и почесал зверя за круглым, как у плюшевого мишки, ухом. Благо громадина сама наклонила голову. На ощупь ящер оказался мягким и тёплым. Иглы гребня перестали топорщиться; без воинственных искр зверь казался просто голубым, как детские мягкие игрушки. Он по-прежнему мощно дышал, но без пламени и жара, неожиданно напомнил парню сильного красивого коня. Не успев подумать о последствиях, журналист перекинул ногу и уселся верхом на дракона. Зверь не возражал, легко расправил кожаные крылья, пробежал несколько шагов и взмыл в небо.

У журналиста дух захватило.

– Вот бы написать о таком, жаль, никто не поверит, – с досадой вздохнул он.

Дракон легко и плавно кружил над лугом, над извилистой речкой, поднимался всё выше. К немалому удивлению Андрея, ему так нравилось, что он не испытывал никакого страха, даже не пытался ухватиться за толстую голубую шею. Наоборот, журналисту захотелось раскинуть руки и крикнуть что-нибудь радостное. Он даже не боялся взглянуть вниз – на стремительно удаляющуюся землю. Там, далеко внизу, не было и следа от железобетонной цивилизации XXI века. Золотые пшеничные поля сменялись зелёными густыми дубравами и светлыми березовыми рощами.

– Красота-то какая! – восхищённо завопил парень.

Ему показалось, что дракон согласно хмыкнул. Внизу появилась чистенькая, словно игрушечная деревенька.

– Люди, – обрадовался Андрей и, не задумываясь, скомандовал дракону: – Вниз! Туда!

Крылатое чудо охотно повиновалось. Стремительно спикировало вниз. У неловкого наездника только в ушах засвистело.

– Ещё чуть-чуть и свалился бы! Давай следующий раз поаккуратнее! – попросил он дракона, когда тот благополучно опустился на землю на самой середине деревенской улицы.

Журналист принялся поспешно вертеть головой, но так и не сумел углядеть ни одной живой души. Всех словно ветром сдуло. Он слез с драконьей шеи, зверюга по-собачьи сунула большую голову ему под руку. Андрей погладил дракона, сказал ласково, как большому бульдогу:

– Хороший, хороший... Подожди здесь.

И отправился разыскивать местных жителей. Вдоль широкой улицы в два ряда высились дощатые заборы, парень решил толкнуть ближайшую калитку. Громко скрипнув, она послушно отворилась. Любопытный журналист шагнул на незнакомый двор. Здесь тоже царило безлюдье, но пришедший сразу ощутил на себе чей-то внимательный взгляд. Он резко повернулся к цветущему кусту шиповника, запустил туда руку, но никого не сумел поймать, только поцарапался. Раздосадованный парень решительно направился к большому сложенному из светлых брёвен дому. Здесь точно кто-то есть, – бурчал он, – вот даже окошко не успели закрыть, ветер занавески колышет.

Журналист весело поднялся по ступеням грубо сколоченного крыльца, окинул себя критическим взглядом, опасаясь новых метаморфоз с одеждой.

– А то вдруг перепугаю народ своим фраком.

К счастью, журналисту вернулся его прежний вид: кроссовки, джинсы, куртка – всё было на месте. Он прошёл пустые сени, заглянул в светлую, просторную комнату. Взгляд упёрся в белый бок большой печи. Возле неё присела на корточки хрупкая девчушка. Тонкие русые косички, ярко-красный сарафан. Старалась, разводила огонь, но то ли дрова были сырые, то ли день невезучий – работа никак не ладилась. Андрей хотел было вежливо кашлянуть, чтобы его заметили, но замер, совершенно позабыв, зачем пришёл. В открытое окно просунулась драконья голова, шея выгнулась, осторожно отодвинула девочку. Та только рот разинула, в голубых глазах застыл ужас. Дракон вытянул чёрные губы в трубочку, осторожно дунул на дрова; из пасти вырвалось пламя, лизнуло полешки. Печь ровно одобрительно загудела. Доброе чудище исчезло за шторкой. Девочка не поверила тому, что видела, растерянно села на пол, хлопала ресницами. Андрей решил не добавлять ей страхов, тихонько отступил в сени и вышел из дома. Всё равно никого из взрослых здесь явно не было.

Он вернулся на улицу к своему добродушному дракону. Его ждал новый повод для удивления. Возле крылатого поджигателя, стоял

крохотный мальчонка лет четырех в длинной белой рубашонке. Он весьма фамильярно трепал драконье ухо, а тот наклонил голову и только жмурился от удовольствия. Теперь недавнее чудовище больше походило не на собаку, а на кота.

– Пора этому хвостатому дать имя, – неожиданно недовольно буркнул журналист, – я смотрю – он совсем домашний.

Знарок современной психологии поймал себя на том, что почти ревнует прирученного им зверя к тем, кто не знает, какой он был дикий, и не может оценить победы Андрея.

– Ты добрый! – весёлым голоском рассуждал тем временем мальчик. – Я говорил, ты не такой, как чёрный, тот злой и страшный, вот все тебя и боятся. А я не боюсь! – радовался он.

Андрей сосредоточился на новой идее, изо всех сил старался придумать для дракона что-нибудь оригинальное. В конце концов, журналист почувствовал себя страшно усталым и бездарным. А мальчик смеялся, обнимал ручонками дракона за шею, поджимал ножки, висел, как медаль, на шее. Дракон осторожно качал головой, устраивал ребенку весёлые качели.

– Совсем обнаглел, – фыркнул Андрей, – лучше бы имя моему дракону придумал. «Моему дракону...», – передразнил он сам себя и улыбнулся.

Тем временем над ближайшими заборами стали появляться вихрастые мальчишечьи головы, калитки приоткрывались, за ними толкались, выглядывали в щель любопытные девчонки. Маленький герой не обращал на них внимания, продолжая обниматься с драконом. Пока откуда-то издали не долетел встревоженный женский голос.

– Прощка! Проща!

На крик обернулось сразу две головы, крохотного смельчака и... дракона. Так зверь сам выбрал себе имя. Вместо того, чтобы умиляться идиллической картине, Андрей старался сохранить хладнокровие. Он первым заметил помеху на безмятежном синем небе. Его красивый цвет замутило, испортило бледно-серое пыльное облачко. Оно стало расти, наполняться мутным, неприятно-сизым цветом, словно кто-то огромный решил вытряхнуть грязный и пыльный коврик. Неясная серая дымка спустилось ниже, опала на землю. В самой середине тёмным сгустком проявилось длинное извивающееся тело дракона. Уже через мгновение все любопытные головы исчезли, словно испарились. Пропал куда-то и смелый Прощка, и даже его крылатый тёзка куда-то подевался. Скорее всего, спрятался за большим овином.

Парень остался одиноко стоять посреди опустевшей деревенской улицы. Он внимательно всматривался в тёмный силуэт, всё ещё надеясь, что зверь слишком далеко и вовсе его не заметит. Вскоре уже ясно был виден контрастно-чёрный силуэт дракона с длинным хвостом и большими крыльями. На удивление, зверь выглядел гладким, даже влажным. Клубившаяся вокруг

пыль не оставляла на его масляно-чёрных боках ни следа. Журналист уже решил, что ящеру до него нет никакого дела. Дракон сложил крылья, гибкой змеей скользнул по земле к одиноко стоявшему бревенчатому колодцу. Опустил в него голову на длинной шее, жадно пил, громко глотая. Когда перестал доставать до воды, зарычал оглушительно. Поднял голову, отправил в небо огненный столб. Новый поток огня осушил остаток воды в колодце. Горячий пар стремительно поднялся вверх. А злющая зверюга поскребла когтями сруб и двинулась к Андрею. Он успел горько пожалеть, что совсем расслабился и потерял бдительность. Как бы ему хотелось сейчас так же, как другие, спрятаться и сидеть где-нибудь в безопасности.

Но искать укрытия было уже поздно. Зверь его заметил, в землю ударил столб рыжего пламени. Андрей отскочил и чуть не попал под новую струю огня.

– Уж лучше стоять на месте, – буркнул он и зажмурился.

Он слышал, как оглушительно громко хлопали крылья. От жуткого рыка мурашки побежали по спине. Андрей решился посмотреть в лицо опасности. У нового дракона вроде бы всё было то же самое: большая голова, длинная шея, четыре лапы, крылья, хвост. Но всё было по-другому. Морда – узкая длинная, глаза жёлтые с чёрным змеиным штрихом зрачка, зубы хищно торчали, чёрная гладкая чешуя лоснилась, словно нефтяное пятно. Тяжёлый хвост с двумя короткими острыми шипами на конце нервно поднимал дорожную пыль.

«И что? Перед этим тоже танцевать?!» – раздражённо подумал журналист.

Танцевать не хотелось вовсе. Никакой музыки Андрею не слышалось. Тишина была глухой и вязкой. Её начинал заполнять мерзкий, как тонкий визгливый звук, страх. Парень, так легко победивший первого дракона, понятия не имел, что делать со вторым. Он начинал паниковать. Словно почуввав это, зверь потянул воздух тонкими ноздрями, запрокинул назад голову... Андрей ждал теперь от него чего-то ужасного. Сжался внутренне. А громадина разинула пасть, вдохнула воздух и... оглушительно чихнула. Дракон весь съёжился, сморщился, попятился, наступил на свой длинный хвост, укололся острым шипом, взвизгнул и снова чихнул. Журналиста едва не сдуло, он еле устоял на ногах.

– У него на тебя аллергия, – услышал парень за спиной весёлый мальчишечий голос.

Андрей повернулся к нему, готовый огрызнуться. Долговязый худой подросток лет одиннадцати, одетый так же, как остальные местные жители, – в светлую холщовую рубаху с ярким орнаментом, вышитым по вороту и рукавам, штаны и лапти, с невозмутимым видом щёлкал семечки.

– А ты что, его не боишься? – усомнился журналист.

– А что его бояться, – пожал плечами мальчишка, – он же смешной.

Грозный дракон действительно был смешон. Андрей не удержался, прыснул смехом. Чудище не переставало чихать, всё больше морщилось и пятилось. Пока запнувшись о хвост, зверь вовсе не повалился на бок.

Сразу перестав чихать, он вздохнул с облегчением, прикрыл глаза и задремал устало. Бедняга замучился, даже длинный язык вывалил.

На улицу со всех сторон высыпали дети, они веселились и приплясывали. Пальцами показывали на уморившего самого себя дракона. Андрей смотрел на их веселье и тоже громко смеялся, забыв свои недавние опасения. Один сорванец схватил за руку стоявшего рядом малыша, другой потянул девочку – и пару минут спустя вокруг чудовища уже кружился веселый ликующий хоровод.

Журналисту показалось, что дракон приоткрыл жёлтый глаз, глянул на детей и старательно зажмурился. По гладкой черноте его бока пробежала мимолётная голубая дымка, её сменила розовая волна, изумрудная, и вот уже всю нефтяную гладь его тела сменили радужно-светлые тона. До самого кончика хвоста зверь оказался раскрашен беззаботно и ярко, как на детском рисунке. Какой-то карапуз, такой же крохотный и смелый, как Прохор, решился первым подойти к разноцветному дракону. Он провёл рукой по выпуклому лбу и принялся играть длинными ресницами. Андрей готов был поклясться, что видел, как чудовище улыбнулось.

Недавний собеседник Андрея радостно стукнул себя по лбу, словно неожиданно что-то сообразил, и стремительно куда-то убежал. Спустя пару минут он вернулся к мирно спящему чудовищу, неся перед собой большую кадку, полную воды. Мальчик шагал медленно, побряхтывал, всем видом показывая, какой тяжёлый груз он несёт, зато улыбался победно. Он торжественно опустил кадушку перед самым носом дракона, тот втянул ноздрями воздух, сразу проснулся и принялся лакать, точно большой теленок. Так ловкий малый приручил громадину.

Дракон, что был ужаснее первого, был больше не опасен.

Воодушевлённый и буквально окрылённый победой, Андрей отправился дальше, сам не зная, куда и зачем продолжает путь. Он просто испытывал острое, пьянящее удовольствие, почти восторг от тёплых солнечных лучей, ласкового ветерка, полного запахами трав и беззаботными птичьими трелями. Его переполняла радость, тянула губы в улыбке. Роскошное, полное тысячи оттенков чувство свободы. По венам струилось лучистое яркое счастье. Не то, испуганное, словно украденное, что подарит яркое мгновенье и ускользнёт юркой змейкой, а то, что заполняет весь мир и не оставляет ни одной тревожной мысли.

Журналист беззаботно шагал по сельской дороге под голубым бездонным куполом неба. Вертел головой, насвистывал, подражая птичьему веселью. Казалось, он всё позабыл: недавних грозных чудовищ, бездонную бездну отчаяния с её чёрными гранитными стенами, заботы и страхи такой далёкой будничной реальности. Вдруг захотелось закричать во всё горло или даже громко спеть что-нибудь удалое.

Парень одёрнул сам себя, снова почувствовал себя взрослым и состоявшимся. Профессиональная привычка подбирать слова вскоре взяла своё. Андрей принялся анализировать происходящее с ним.

– Хочется петь громко, что-нибудь непутевое, – признался он себе, – ничего так расслабился. Наверное, здесь сам воздух такой... вольный.

Профессионал порадовался точному слову. Даже подпрыгнул от восторга.

– Хорошо, что здесь такие драконы, странно, конечно, не зверюги а ценители искусств: танцы... Хотя смех не искусство. И что этому ящеру так понравилось... подумаешь, все громко смеялись, хотя... давненько я не смеялся в голос. Всё как-то не было повода или... просто боялся тормоза отпустить. С танцами тоже... Ну кому могло придти в голову, что я стану так отплясывать?! Ладно, пора становиться нормальным серьёзным человеком.

Не успел Андрей вернуться к привычному здравомыслию, как гибкие ветви склонившейся над дорогой ивы закачались и между ними просунулась плоская песочно-жёлтая морда громадного, как чёрный дракон, варана. Большой рот с мелкими острыми зубами приоткрылся, выскользнул тонкий раздвоенный язык. Раздалось мерзкое, леденящее душу шипение.

Журналист замер, затаил дыхание. Из кустов показалась когтистая лапа; широко расставляя в разные стороны локти, варан выбрался на дорогу. Эти жители пустынь никогда не казались парню красивыми, но возникший перед ним был особенно безобразным – огромный, с морщинистым горбом. В голове журналиста лихорадочно неслись мысли.

«Это опять дракон! До чего же здесь их много! Ну что мне с ним делать?! Что делать? Что делать? Как его победить?»

Андрей стал перебирать все известные ему истории про драконов, все возможные и невозможные методы борьбы с ними. Свой танцевальный марафон он отнёс сразу. Меча у него не было, не то что волшебного, даже самого захудалого. Так что способы былинных богатырей пришлось забыть. В голову непрошенными полезли смешные герои детских мультфильмов. Особенно настойчив был крошка енот, победивший того, кто сидит в пруду. Парень туповато улыбнулся варану. Зверь замер, остановил своё грозное наступление, уставился на «улыбчивого енота» с интересом.

«Так, для одного я танцевал... другому нравилось, когда над ним громко смеются... – соображал журналист, – странные здесь какие-то чудовища. Вот бы знать, чего не хватает этому. Может, ему просто спеть?!»

Такая мысль самому журналисту показалась совершенным бредом. Он полагал, что варан требует самого серьёзного и героического подхода. Но, так и не придумав ничего другого, Андрей принялся вспоминать хоть какую-нибудь песню. И, не найдя ничего готового, он заголосил на мотив песенки про улыбку:

*У дракона жизнь не весела,
Вечно ползать по кустам на брюхе,
А ему лететь бы как пчела,
Не завидовать навозной жирной мухе!...*

Пел журналист плохо, зато проникновенно и громко. Уж очень парень боялся, что гадкое чудовище окажется ещё и глухим. К счастью, варан внимательно его слушал.

*...И тогда наверняка,
Он умчит под облака,
И оттуда зачирикает, как птичка,
А вараны оттого
Злые все до одного,
Вечно ползать – очень вредная привычка...*

Текст складывался сам собой, и песня лилась легко и озорно, словно Андрей долго и тщательно готовился заранее. Он уже приступил к третьему куплету и стал опасаться, что его творчество так и не произвело никакого эффекта, когда зверь извернулся, завалился на спину и стал извиваться, словно его кусали сотни муравьев.

«Похоже и у этого на меня аллергия», – успел отметить певец.

А варан продолжал извиваться, пока неожиданно не вернулся в прежнюю позу, только вместо горба у него на хребте были видны два сморщенных измятых комочка; зверь запрокинул голову, и поражённый журналист увидел, что ящерица вытянула вдоль спины измятые кожаные крылья.

– Вот тебе и варан! – ахнул Андрей. – Это же настоящий дракон.

Тот, кто, казалось, был рожден только ползать, расправил большие полупрозрачные кожаные крылья и стремительно взмыл в небо. Пара кругов над ивой, и в небесной голубизне растаял его след.

Журналист проводил его взглядом, вздохнул глубоко:

– Вот ещё одно чудовище победил! – гордо произнёс он и сам рассмеялся над своей напыщенностью.

Парень отправился дальше по дороге, но едва обогнул иву, заметил вдали знакомую крону высоченного дуба.

– Его ж тут не было, – возмутился журналист, – я не мог пропустить такое.

Он сразу сошёл с дороги и направился к величественному дереву. Сначала расстояние казалось очень внушительным, но он добрался удивительно быстро. Возле могучего ствола всё так же стоял большой стол, над ним склонялся седовласый старец, на месте были и толстая книга, и перо, и чернильница. Старик был погружен в работу.

– Эй, дедуля! – фамильярно окликнул его Андрей. – Может, ты мне объяснишь, что здесь происходит.

– Да-а, – покачал головой седобородый, – до чего ж поколение пошло хамское, следовало бы тебя поучить вежливости, ну да успеется ещё.

Андрей его не услышал, всё продолжал о своём:

– До чего же у вас всё здесь странное. А ваши драконы и вовсе чудят.

– Это не мои, а твои драконы, – возразил старец и поднял на собеседника внимательный взгляд, – ты сам их наплодил, напридумал для себя дурацких запретов: «я никогда не танцую...», «громко смеяться в моем возрасте – это глупо...», «..я никогда не пою, пусть певцы поют..»

Андрей узнал свои слова, опустил голову.

– Решил быть серьёзным человеком?! Но быть серьёзным – не значит запретить себе всё человеческое. Серьёзный и мёртвый – вещи разные... вот твои драконы тебя и настигли. Чтоб с любой чернотой справиться, надо красок добавить. Перед сотней житейских радостей ни одно отчаяние не устоит...

Слушал парень мудрого старика и только кивал: он всегда был спорщиком, находил кучу аргументов на любой довод, а теперь и возразить было нечего. Драконов-то он ещё мог назвать бредом, но недавнее чувство безмятежного счастья было таким настоящим, таким неоспоримым. Журналист не стал возражать. Поверил. Только решился спросить осторожно:

– А то, что я в книге писал, когда исполнится?

– Да завтра и начнёт, – лучисто улыбнулся седобородый.

Андрею хотелось задать ещё массу вопросов седому всезнайке, но его неожиданно отвлекли: кто-то сильно толкнул в спину. Журналист вернул равновесие, повернулся к обидчику. Даже кулаки сжал и замер... Голубой дракон игриво боднул его головой и стоял с виноватым видом. Журналист охотно простил зверя и хотел вернуться к прерванному разговору, но на прежнем месте не было уже ни старца, ни стола, ни дуба. Только зелёные волны бежали по заросшему лугу.

– Ох уж мне эти чудеса.

Дракон снова принялся игриво бодаться. Парень отмахнулся от него.

– Отстань, ну чего тебе ещё? – внезапно журналиста осенило. – Летать! Я ведь могу с тобой полетать!! Когда ещё такая возможность выпадет?!

Журналист внимательно посмотрел на голубого дракона: умильная морда, пушистые, совсем как у детских игрушек, круглые ушки. Андрей погладил зверя по большой голове:

– Ну, что летаем напоследок?!

Дракон закивал радостно. Подставил спину, парень бесстрашно забрался на него. Громадные кожаные крылья подняли их в воздух и понесли вдаль. Андрей наслаждался полётом, холодным встречным ветром. Решился отпустить руки, не держаться за гибкую шею, раскинул их, как крылья, махал, словно помогал лететь. Он глянул вниз и ахнул восторженно:

– Какой каньонище! А вон та самая расщелина, на дне которой я валялся! Ух, какая глубокая да тёмная! А сверху такая маленькая, безобидная щелочка. Выходит, всё дело в том, откуда смотреть!

Дракон летел, летел, летел... Белые полупрозрачные облака плавно скользили мимо... Прекрасный, населённый драконами мир таял в утреннем тумане...

Рай

Верблюд шагал буднично покачиваясь, в раз и навсегда заведённом монотонном ритме. Флегматично оставляя позади пески пустынь и века. Дыхание вечности – в спокойствии мёртвых барханов и неспешном шаге

верблюда. Неподвижный зной пустыни исключал резкие движения, сделал мир медленным и зыбким, как липкий сон. Лень растворилась в воздухе, нависла пыльным облаком, погасила яркие краски и звуки. Тусклые бледно-жёлтые барханы, тусклое бледно-жёлтое солнце на тусклом бледно-жёлтом небе. Всё слилось в бескрайнее зыбкое марево. Горизонт далёк и нереален. Время растворялось и теряло свой смысл. Здесь встречались и таяли далёкими миражами цифры разных календарей и летоисчислений.

Каждый народ норовил по-своему отсчитывать плавно протекавшие мимо дни и складывать из них года, столетия и тысячелетия. Только белобородые мудрецы ведали даты. Одни полагали, что от сотворения нашего мира минуло меньше четырех тысяч лет, другие, сурово качая головой, поправляли, что уже больше пяти с половиной тысяч лет минуло. Но были те, кто спорил со всеми, рассказывали, что родился в далёкой Иудее то ли пророк, то ли сын бога. Он спас всех людей от их прежних грехов, а потому теперь время следует считать только с его рождества. И выходило время совсем молодое. Минул только третий век от рождества Христова. Но большинство людей жили изо дня в день, не считая время. Оно летело мимо, неуловимое, как лёгкие и свободные ветра. И все людские мнения и страсти песчинками ложились под мозолистые ноги верблюда. Неуловимое, неисчислимое время шуршало сухим мёртвым песком, завывало ветрами, поднимало бури в пустыне. Время шло медленное, размеренное, как неторопливый шаг верблюда. Непреклонная человеческая воля побеждала даже вечное время, маленькие слабые смертные люди пересекали бескрайние пустынные просторы. Сутулились на верблюжьих спинах, кутались в свои широкие одежды, молодые, мускулистые, самоуверенные, седобородые, мудрые и морщинистые, словно тёмная кора саксаулов.

Али не был ни силён, ни уверен в себе, ни, тем более, стар и мудр. Ему было всего шестнадцать, он был худ и долговяз, стать силачом и мудрецом ему только предстояло. О красивой бороде он тоже лишь мечтал. На его остром подбородке не пробивался даже первый пушок. Он был слишком мал ростом и слишком худ для своего возраста. Резкие движения сразу выдавали его беспокойный нрав. Рукава его халата были коротки и открывали худые запястья. Несмотря на все его старания, он выделялся среди других путешественников. Даже его имя не звучало длинно и красиво как у других, к примеру – Ахмед ибн Фадлан ибн-аль-Аббас ибн Рашид ибн-Хаммад. Для всех парень был просто Али. Своего отца он не знал, так же как и деда. К сожалению, всё, что знал о своей истории юноша, было историей унижений. Вот мать и отправила его становиться мужчиной как можно дальше от родных мест. Али вырос, прячась за мамнины юбки, и очень боялся самостоятельного путешествия. И всё же старался не унывать, вертел головой и белозубо улыбался опасностям.

Глаза слипались от сонной монотонности путешествия. Но Али очень боялся заснуть и упасть с высоченного горба. Плавно покачивалась спина

верблюда, плавно покачивались жёлтые волны барханов. В мире не было ничего, кроме тусклого неба и бескрайней пустыни. Только длинная цепочка каравана растянулась где-то между этих двух вечностей...

Неожиданно караван вздрогнул и замер, как один испуганный зверь. Караванщик тревожным жестом вскинул руку, показал на мутный горизонт. Все сразу поняли. Приближалась песчаная буря. Али буря заставала в пути первый раз в жизни. До этого дня он только слышал леденящие душу рассказы о том, как ветер занёс песком, схоронил и заровнял целый караван, да так, что его следа потом не могли найти. Еле живой от ужаса парень вглядывался в потерявший ясность горизонт.

– Может, нам повезёт? – он с надеждой посмотрел на соседа, седины которого подтверждали его богатый жизненный опыт, – может, буря повернёт, пройдёт мимо нас?

– Нет. Так не бывает, – уверенно покачал головой старик.

– Мы неизбежно попадём в бурю?

– Да, – подтвердил седобородый с простой и суровостью судьбы.

– О-о-о.

Али сразу вспомнил давний урок, принялся поспешно отвязывать от поклажи свою большую плотную шерстяную накидку. Пальцы не слушались, узлы верёвки не поддавались.

– Зачем, о, зачем я всё так привязал?! – сокрушался юноша. – Я не успею! Я умру!

– Не трясись, – поморщился старик, – смотри, – никто не боится. Просто делай всё так же, как другие.

Али оглянулся. Действительно, путешественники были обыденно спокойны и уверены, но прежняя меланхолия разом исчезла. Путешественники спешивались, толкали, укладывали своих верблюдов. Те не хотели, гортанно жаловались, вырывались. Но вскоре ощущение надвигавшейся беды заставило их присмиреть и затихнуть. Люди доставали из своих бездонных дорожных сумок полосатые, плотные, как ковры, покрывала. Накрывались ими с головой, и валились на песок рядом с верблюдом. Надеясь переждать бурю и живыми выбраться из-под песка. А смертоносный шквал, ещё мгновение назад только неясной дымкой показавшийся на горизонте, непроглядной песчаной стеной стремительно нёсся по пустыне. Стена бурлила и клубилась, поднималась всё выше. Она уже закрыла, поглотила солнце. В плотной мгле царил ужас, и оглушало шуршание миллиардов мёртвых песчинок.

Страшный шум ветра перекрыл, поглотил все звуки. Вокруг остался только его вой, стон, гул и шуршание песка, неумолчное, словно шипение тысяч змей. Вот они сплетались в тугие клубки, давили, лезли под показавшуюся слишком тонкой ткань накидки. Али скорчился, руками прижал голову к коленям, затаил дыхание. Сверху, справа, слева – всюду свирепствовала, бесилась смертоносная песчаная буря.

Нестерпимо хотелось выпрямиться, прогнать змей, но нельзя... Там, вокруг, нет воздуха, только туча жёсткого песка, темнота и смерть...

Внезапно стало тихо. Шквал ушёл дальше. С чистых небес сразу хлынул горячий солнечный свет. Тяжёлым и лишним грузом давил сверху песок.

Али резко вскочил на ноги, сбросил тяжёлую от песка накидку, раскинул руки в стороны, широко счастливо улыбнулся. Выпрямиться, разогнуть спину, глотнуть полной грудью свободного, не спёртого воздуха – было бесконечно приятно. Острое счастье хлынуло в грудь юноши. Он готов был громко восторженно закричать, сбросив покрывало. Белый свет лежал вокруг яркий и прекрасный. Только хмурые лица остальных путешественников заставили его сдержаться.

– Эй, веселей! – не выдержал их мрачности Али. – Мы остались живы!

– Не мельтеши, – сумрачно вздохнул седобородый сосед юноши, – рано праздновать. Надо ещё до караван-сарая добраться.

– Теперь доберёмся, – самоуверенно выпалил парень.

– Ты-то точно знаешь, – презрительно фыркнул в усы старик.

Али не заметил его сарказма. Он искренне радовался благополучному концу бури. От неё и следа не осталось. Докуда хватало глаз – пески снова лежали неподвижные и вечные. Нестерпимый зной плавил воздух, только тусклое небо казалось чуть выше и ярче чем прежде.

– Хорошо! – улыбался довольный юноша.

Его немолодой спутник только снисходительно усмехнулся в бороду.

Верблюды трясли головами, неприятными голосами жаловались на судьбу. Путешественники сворачивали спасительные накидки, укладывали их на спины животных, среди другой поклажи, усаживались сами, и терпеливые животные поднимались на свои худые жилистые ноги. Караван снова двинулся в путь.

Однообразно раскачивались сутулые седоки. Время слилось в монотонную бесконечность...

Стены города стали различимы только к ночи. И его неясные очертания в упавшей с небес тьме долго казались смутными видениями, ошибкой усталых глаз. Стены города медленно приближались, но не становились реальнее. Ночь превратила его в волшебный сон под яркими звёздами. Огненный жар сменился прохладой, духота – промозглым ознобом. Путешественники кутались в накидки, с тревогой всматривались вперед.

– О-хо-хо. Из-за бури потеряли много времени, не успели засветло добраться до караван-сарая. Это плохо, – ворчал вечно недовольный сосед Али.

– Да не о чем горевать, – весело возразил ему жизнерадостный парень, – главное, мы не сбились с пути и добрались.

– Уже совсем темно, хоть глаз выколи, – не сдавался старик.

– В ночной темноте нам плутать не придётся. Нас давно заметили и зажгли огни возле ворот. Отличный ориентир.

– Хорошо, что здесь хоть стены есть, – вздыхал старик, – нам защита необходима.

– Вот и я говорю – хорошо, – порадовался парень.

– Тебе ещё всё хорошо.

Али отмахнулся от его ворчания. Все старики брюзжат и ругают молодых. Только одно сейчас роднило таких разных путешественников. Оба с ног валились от желания улечься спать. Парню даже показалось, что он закрыл глаза и уснул раньше, чем коснулся головой своей жёсткой подушки. Он и не помнил, как въезжал в караван-сарай, как распрягал верблюда и поднимался на деревянный настил второго этажа, укладывался рядом с другими путешественниками. Утром всё было для него ново: и высокая крыша «дворца для караванов», и его прохлада, и грубо оструганные длинные доски настила из ливанского кедра, и лестница без перил и опор, словно прилипшая к стене.

– Неужели я поднимался здесь в кромешной тьме, – не верил он сам себе.

– Ну и горазд же ты спать, – весело приветствовал его рослый караванщик, – солнце уже высоко.

– А я бы ещё поспал, – сладко зевнул Али.

– Пойди, лучше, напои своего верблюда, да осмотришь.

Неохотно согласившись, паренёк медленно с явным усилием приподнялся и, поджав ноги, сел на настиле.

– Ладно, – бурчал он и тёр слипавшиеся глаза, – потом досплю. Мы ведь собирались здесь отдохнуть денёк и двинемся дальше только завтра?

– Завтра-то, завтра, – возмутился его сонным видом сосед, – только все уже давно на ногах, бегают по базару пополняют запасы.

– А мне чего суетиться, я же не торговец, – снова зевнул Али, – слушай, а как называется этот городишко. Я вчера прослушал.

– Городишко?! – передразнил носатый сосед. – Говорят, это самый древний город на всём белом свете. Про него столько легенд сложено.

– Спать я хотел.

– Вот соня.

– Ну, не могу я спать на верблюде, – принялся объяснять парень, – свалиться боюсь. Высота такая.

– Выходит, ты сам не знаешь, куда попал? – до слёз смеялся сосед.

– Не знаю, – потупился Али.

– Тогда и я тебе не скажу, – потешался опытный путешественник, – пойди, у других спроси. Может, кто врежет за дурацкие вопросы. Разобьют нос, зато запомнишь на всю жизнь.

Али осталось только вздохнуть тяжело, подняться да тащиться вниз, туда, где ворчали и толкались верблюды. Ему вслед летел весёлый зычный смех. Парень низко повесил голову, он уже чувствовал себя побитым.

Животные нагнулись к воде в широком желобе, жадно пили, причмокивали.

– Все здесь. Отлично! – порадовался парень. – Выходит, и у моего верблюда есть питьё, но...

На первом этаже под настилом было довольно темно, и все животные казались одинаковыми, ведь поклажу с них сняли.

– И как теперь определить, какой из них мой? – озадачился Али.

– А ты ему в глаза загляни, – посоветовал весёлый сосед, спустившийся следом за парнем, – может, он тебя признает.

В полном отчаянии Али был готов сделать что угодно. Он схватил за голову ближайшего верблюда и принялся внимательно рассматривать.

– Нос потри, – потешался сосед, – у всех носы разные.

Растерянный паренёк провёл ладонью по шелковистому верблюжьему носу.

– Тёплый...

Сосед смеялся до слёз.

– Так он же не собака.

– Он же должен быть мокрый...

– Знаток! Ты просто знаток! – глумился весельчак. – Мокрый он пока пьёт, а посреди пустыни в песках, зачем бедняге зря воду терять.

Али совсем сник и смотрел на животных растерянно. Верблюд хлопал длинными ресницами, молчал.

– Позови, откликнется.

Али так разволновался, что даже забыл кличку своего верблюда. Он до того расстроился, что и своё собственное имя в это мгновение назвать сразу не смог бы. А злой весельчак всё не унимался.

– Стой, а ты уши ему мыл?!

– Н-нет... А надо было?

– Конечно. Как он теперь тебя услышит?! – поняв, что совсем напугал паренька, опытный путешественник смягчился. – Ладно, не переживай, вон он твой с той стороны, с краю стоит, я вчера, как увидел, что ты спишь на ходу, и ни на что не способен, пожалел скотину. Зверь-то не виноват, что хозяин... – он сделал выразительную, обидную для Али паузу, вздохнул и продолжил, – короче, я сам его от груза освободил и поставил сюда.

От этого признания молодому путешественнику стало хуже, чем когда сосед потешался над ним. Али бросился горячо благодарить его, но «благодетель» только махнул рукой и ушёл, оставив парня наедине с его стыдом и раскаянием. Грустный Али поплёлся к своему верблюду, взял его за уши и сокрушённо уткнулся лбом в его широкую лохматую переносицу. Зверь не понял его порыва и стал трясти головой высвобождаясь.

– Прости, прости, меня дурака! – всхлипывал парнишка, крепко сжимая уши. – Никчемный я человек!

Верблюд подал голос, невольно соглашаясь.

– Ничего у меня не выходит, – горевал Али, – вот уже год, как я перестал быть ребёнком, достиг возраста мужчины – и что?! Не зря маменька не хотела отпускать меня от себя. Я никчемный! Никчемный!

Верблюд не разделил его тоски и решительно затряс большой головой, освободился, нагнулся к воде и, громко хлюпая, принялся жадно пить.

– Правильно, – рассудил Али, – хватит киснуть! Надо жить дальше!

Он энергично похлопал верблюда по шерстистому боку и отправился в город. Яркий солнечный свет после сумрачного помещения совсем ослепил его. Весь мир вокруг плыл в золотом зыбком сиянии. Парень потёр глаза кулаками. Мир обрёл чёткость. Но вокруг всё по-прежнему оставалось песчано-жёлтым.

– Скука, – поморщился Али, – неужели нигде не бывает по-другому?

Ответом ему стала пестрота местного базара. Каких только красок здесь не было. Разноцветьем поражали и наряды покупателей, и халаты продавцов, и изобилие крупных, а особенно мелких товаров. Здесь было всё: и ткани, и одежда, и шкуры, и упряжь, и керамика, и украшения, и Бог знает что ещё, но в огромном количестве. Любой восточный базар похож на аллегория изобилия. И всё же Али чего-то не хватало... Он с тоской глядел на мух, круживших над горами сладостей, и вдруг жутко захотел пить. Парень понял, что сильно завидовал жадно пившим верблюдам. Он облизал пересохшие губы, принялся лихорадочно искать колодец. Как назло, вождеденная вода всё не попадалась на глаза. Али решился спросить и получил в ответ пространный рассказ.

– О любезнейший, – неторопливо начал немолодой торговец сушёными фруктами, – наш колодец на весь белый свет славится. Вода в нём свежая да вкусная. Колодцу тому не одна тысяча лет, а он ни разу не пересыхал, даже в самые жаркие годы. Ни одна буря не способна засыпать его...

Время шло, а во рту оставалось всё также сухо. И поторопить рассказчика было нельзя, невежливо. Как горько парень жалел в этот момент, что не обратился со своим вопросом к сверстнику.

– ...Наш колодец не чета многим, – продолжал разглагольствовать торговец, – говорят, он появился здесь после того как один прародитель евреев...

– Еврей?! – протянул парень презрительно.

– Ну, может, он и не был, строго говоря, евреем, таким как нынешние, – хитро сощурился горожанин, – только евреи очень любят о нём вспоминать. Так вот, этот доисторический долгожитель вёл как-то свой караван через эту пустыню и возроптали его люди и стали кричать, что им нужна вода...

– Прямо как я, – не удержался от комментария Али.

– Тогда он огляделся и ткнул пальцем себе под ноги «здесь копайте колодец», – невозмутимо продолжил торговец...

– И стали копать?

– Выкопали глубокий колодец, и наполнился он чистой водой. И пьют эту воду по сей день.

– Где? – закричал Али. – Где тот колодец?

– Да вот же, – махнул рукой горожанин.

Али ринулся к старинному источнику, расталкивая прохожих.

– Вода! – выдохнул он, восторженно заглянув в его чистую глубину.

Парень поспешно схватил старое помятое ведро, кинул его вниз и расплылся в счастливой улыбке, услышав весёлый всплеск. Он стал тянуть длинную цепь, жадно следил за приближением прекрасной, прозрачной мечты...

...какой отчаянной мукой исказилось его лицо, когда от слишком быстрого движения вода качнулась, перелилась через край и... щедро пролилась на землю. Сухой песок сразу впитал влагу. Уже через мгновение о страшном происшествии напоминало только тёмное пятно, но вскоре и оно исчезло. У парня вырвался громкий вздох.

– Неужели где-то на белом свете есть места, где много воды?

– Такого не может быть, – убеждённо заявила проходившая мимо старуха.

Она вся, словно в кокон, была укутана в чёрную плотную ткань паранджи, и наружу вырывался только её скрипучий голос.

– Да-а, – неохотно согласился Али, – широкие реки такой вот прозрачной воды текут только в раю. А ещё там растут голубые цветы и ещё много-много всего зелёного, а не только верблюжьих колючек, – мечтательно рассуждал парень, – вот бы хоть одним глазком взглянуть.

– Эх, чего удумал, – проскрипела старуха, – рай заслужить надо. Вот ты заслужил?

– Когда мне?! Ничего-то в моей жизни не происходит. Скука смертная.

– Приключений хочешь?! Эх, молодость, молодость, – прошамкала старуха, – только в рай попадают не за приключения...

Али аккуратно перелил остаток воды в стоявшую рядом большую глиняную миску, оставил ведро и сразу услышал, как оно снова загремело, спускаясь вниз. А парень с наслаждением припал к краю миски, закрыл глаза и стал пить, пить, пить.

Жажда медленно отступала. Волшебная жидкость освежала пересохшее горло, счастливой свежестью текла внутрь, наполняя сердце восторгом.

Только напившись, он решил открыть глаза. Мир вокруг повеселел, наполнился сочными красками, солнечные лучи золотили и украшали всё вокруг. Взгляд Али упёрся в прилавок торговца керамикой, здесь надменно красовались и тонкошеие кувшины, и огромные блюда в затейливых узорах, были здесь и горшочки подешевле, из грубой толстой глины. А соседний прилавок пестрел разными тканями.

«Какое буйство красок, – задумался Али, – где-то же их подсмотрели. Не может быть, чтобы такое было только в раю. Должны быть и на земле места, где можно увидеть такое. Вот бы там побывать».

Сразу вспомнились слова скрипучей старухи, что рай надо заслужить.

«Хорошо бы узнать, за что дают счастье, – подумал парень, – что такое особенное надо сделать?»

Али ещё пошатался по базару, поглазел на ряды, заваленные разной снедью, на круглые лепёшки и сухой, мертвенно-бледный сыр. На баранов, с тупым смирением ожидавших пока их убьют и съедят. На большие мотки шерсти, то удивительно белой и тонкой, то желтовато-серой и грубой. Рядом полосатые халаты сменялись тюбетейками всех размеров и для любых возрастов... Товаров было много, торговцы громко нахваливали каждый свой, над всем этим кружились тучи мух...

– Тоска, – зевнул парень, – будто из родного города и не уезжал. А говорили-то, «путешествия, приключения». Ну, и где они, неожиданности и приключения?!

Его охватила такая досада. Он шагал, пиная песок носками своих стареньких кожаных башмаков, и бурчал себе под нос:

– Песок, песок, везде один песок. Хочешь – смотри на песок, хочешь – не смотри.

Али зажмурился и почувствовал такую лень во всём теле, словно не отдыхал уже неделю.

– Спал, спал, – вздохнул парень, – но делать всё равно нечего, пойду, ещё посплю.

Ленясь даже нормально поднимать ноги и косолапо загребая песок, Али поплёлся обратно в караван-сарай. Он буквально засыпал на ходу. К верблюдам не пошёл, ему вполне хватило услышать их довольное хлюпанье и чавканье.

– Они ни о чём не беспокоятся, и я не буду, – решил сонный парень.

Он, как и вчера, буквально с закрытыми глазами поднялся на второй этаж, протопал по настилу и повалился спать, успев только подумать с обидой:

– Интересно я провожу свои дни...

...Али резко проснулся от холодной воды в лицо.

– А?! Где?! Что?! Что случилось? – выпалил он, торопливо садясь.

Вместо ответа он получил мощный удар громадного кулака в нос.

– За что?! – гнусаво возмутился парень, схватившись за нос.

– Сам знаешь! – рявкнули над ухом.

– Не знаю!

– Врёшь!

Новый удар. Мир поплыл в радужных кругах и померк.

– Какой хлюпик, – услышал Али, хватая ртом воздух и воду, – разве такой бы смог?!

– Как раз такие и могут, – убеждённо заявил второй голос.

Али только сморщился, голова раскалывалась от боли.

– Вот тебе и хилый, да тихий, – возмутился драчун, – живи и бойся таких незнакомых да тихих.

– Ты когда это задумал?! Давно?

– Что задумал?! – стонал парень.

– Хватит притворяться, что не помнишь, – рявкнул здоровяк, схватил Али сзади за халат и поволок к лестнице. Они спустились так

стремительно, что бедный парень успевал только перебирать ногами, подумать не оставалось ни мгновения. Внутри всё сжалось от ужаса. Ему казалось, что страшнее и быть не может, но стало ещё хуже. Спустившись под настил, громила швырнул его к ногам верблюдов. Али ткнулся в широкую мозолистую верблюжью коленку, отшатнулся и упал. Перевёл взгляд и похолодел... прямо в лицо ему смотрели остекленевшие мёртвые глаза.

– А-а! Мама! – истошно закричал парень.

– Поздно маму звать! Убил – отвечай.

– Это не я!

– А кто?

– Не знаю, я спал.

– Врёшь!

Удары сыпались со всех сторон. Али скорчился, закрыл голову руками, зажмурился, перестал дышать. Терпел, ждал, когда всё кончится...

Наступившей тишине и покою он не поверил.

– Всё?!

Решился открыть глаз – никого, рядом лежал только вонючий труп мужчины. Парню показалось, что он его где-то видел. Али застонал.

Издали донеслись грубые мужские голоса:

– А может кто-то другой убил? Не похож этот мальчишка на убийцу, – говорил один.

– Похож, не похож, – резко возражал другой, – а кто кроме него?! Я сам видел, как убитый над ним смеялся. Вот и досмеялся, обидел, он затаил обиду и отомстил.

– Что же сразу убивать?!

– Кто ж его знает, что у парня на уме. Другие в его годы уже настоящие мужчины, а этот хлюпик совсем.

– Это не доказывает, что он убийца.

– Н-да, не доказывает, – согласился решительный, – но и невиновность не доказывает.

– Что же делать?

– Предоставим парня его судьбе. Не убивал – значит, выживет.

– Разумно. Пусть пустыня рассудит.

Бедному Али спокойней не стало. Всякая казнь была ужасна, но смерть от жажды в пустыне – страшнее любой казни. Спорщики подошли к нему, объявили непреклонно:

– Мы решили отправить тебя в пустыню.

– Нет... Только не это... – застонал скорчившийся на песке парень.

– Ты хочешь суда? Ты готов сознаться?!

– Нет.

– Тогда радуйся; если ты невиновен, то спасёшься. Мы просто посадим тебя на твоего верблюда и отпустим на север.

– А что там?

– Там никто из нас не был, но говорят, где-то на севере пустыня кончается.

Сильные руки водрузили всё ещё ничего не понимавшего Али на спину сидевшего верблюда.

– Ну, езжай.

– Куда?! – жалобно завопил бедный парень.

– На север, – ответ убивал своей простотой.

– А как же... Как я пойму...

– Разберёшься, – зло хохотнул грубый.

Второй стал махать руками, объяснять.

– Смотри, там – восток, там – запад. Тебе надо, чтоб север всегда был впереди. Значит, утром солнце всходит от этой руки, садится к этой, днём оно над самой головой. Ночью...

– Ночью... – горестным эхом повторил Али.

– Ночью держи самую яркую голубую звезду между ушей верблюда, понял?

Парень обречённо кивнул.

– Отлично, – одобрил грубый, – хватит тянуть. Вода в бурдюке, лепешка – в сумке. Езжай, проверь, достоин ли ты спасения.

Он решительно хлопнул верблюда по шее и тот поднялся.

«До чего же у него длинные ноги!»

...Уже привычно раскачиваясь вперед-назад, Али долго не мог собраться с мыслями. Солнце покатилося к закату, и стала спадать беспощадная жара, когда его мысли начали обретать ясность. Но ему отчаянно захотелось вернуться обратно в спасительное отупение. Слишком страшна была реальность. Верблюд невозмутимо шагал вперёд, унося седока в неизвестность и ужас. Вокруг простиралась пустыня – безжизненная и бесконечная. Пески, пески, пески, пески...

День сменился чёрной ночью. Смертельную жару сменил промозглый холод. Но Али не хотел остановиться и слезть с верблюда, боясь, что в темноте тот убежит и он останется совсем один. Однако зверь тоже устал и просто опустил на песок. Али тревожно слушал его ровное дыхание, смотрел в темноту. Сон сморил его – липкий, беспокойный.

Парень был рад солнцу, прогнавшему темноту. Верблюд покорно встал, и вернулось монотонное покачивание в жарком зыбком мареве. Без цели, без мыслей, без надежды...

...Али потерял счёт времени. Вода кончилась, еды больше не было. Да есть уже и не хотелось. Хотелось спать, но сон не шёл. Вязкий ночной бред не приносил облегчения. Бессонница, голод и жажда совсем лишили сил бедного парня, и он рухнул рядом с верблюдом...

Али закрыл глаза, не шевелясь, лежал в полной темноте и тишине. Потом почувствовал на щеке дыхание верблюда, поморщился, отмахнулся.

– Отстань...

Противный зверь дул прямо в ухо.

– Уйди, не щекочи!

Али опёрся на руки, поднимаясь, и замер. Под ладонями он не ощутил горячего жёсткого песка, только что-то мягкое и прохладное. От неожиданности парень широко открыл глаза. Пустыня пропала! Вокруг плыло и волновалось всё зелёное. Али помотал головой, потёр глаза. Мир обрёл чёткость, но стал ещё удивительней. Парень сидел на земле – чёрной, прохладной земле! Земле, покрытой сочными зелёными травами. Они двигались и качались под ласковым ветерком. Он нежно касался щёк своей безмятежной свежестью.

Вокруг всё было подвижным и живым, благодаря трепетавшим на ветру миллионам крохотных зелёных листочков с зазубренными краями. Сквозь их взволнованное движение проглядывали чистые белые стволы. О, как не похожи были эти чудесные деревья на торчавшие в оазисах одинокие пальмы с их редкими длинными и тусклыми листьями. Деревья стеной поднимались до самого неба. Али задрал голову так, что тубетейка свалилась. Он никогда не видел такой глубокой голубизны. Мало того, по этой роскошной сини медленно плыли, неуловимо изменяясь, ослепительно-белые облака. У жителя пустынь дыхание перехватило. Между верхушками сочной зелени и облаками лёгкими видениями мелькали птицы. Сотни маленьких птичек сидело на ветках. Али однажды видел такую – на базаре в клетке. Только здесь они были свободны и пели.

– Неужели бывает так хорошо?! – громко воскликнул парень.

Он решительно сбросил свой тяжёлый стёганный халат и раскинул руки, подставляя тело свежему ветерку. Али поразился, какими грязными и несвежими оказались его длинная рубаха и штаны, по сравнению с ослепительной белизной облаков. Это нечаянное открытие не омрачило его блаженной улыбки. Парень был бесконечно счастлив. Вдруг грубый толчок в спину сбил его с ног. Испуганно оглянувшись, Али увидел своего верблюда, тёмной бурей пронёсшегося мимо.

– Куда ты?! – не успел крикнуть парень, когда ошалевшее животное скрылось в кустах.

В замешательстве Али последовал за ним. Протиснувшись через буйную зелень, он оказался на берегу полноводного прозрачного ручья. Измученный жаждой парень рухнул на колени. От воды тянуло свежестью. Рядом жадно хлюпал верблюд. Не веря, что возможно такое счастье, Али наклонился и сунул горячую голову в шумный поток. Его пронзили тысячи ледяных игл. Парень поднял голову, потряс ею, стал пить, пить. Холодную, вкусную, волшебную влагу, разогнулся, выдохнул убеждённо:

– Я в раю!

Верблюд издал громкий обиженный звук.

– Ладно, мы в раю! – исправился Али.

От звонкого девичьего смеха парень вздрогнул, едва не свалился в воду.

– Кто здесь? – спросил он осторожно.

Ответом ему был только залиvistый колокольчик смеха.

Али обиженно насупился. Она что-то весело объясняла, размахивала руками. Парень не понимал ни слова.

– погоди, не торопись, – стал он останавливать поток её веселья.

Девушка хлопала большими глазами, мотала головой.

– Ну, что тебе не понятно?! – рассердился Али. – Дура!

Большая чёрная птица прилетела и уселась на ветку соседнего дерева.

– Кар! Кар!

Парню показалось, что его слова удивительно похожи на воронье карканье. Он замолчал пристыжено, только разглядывал озорную незнакомку. Худенькая, высокая, в длиннющей чисто-белой рубашке, обильно украшенной по вороту и рукавам затейливым ярко-красным узором. Она сразу поразила цветом своих солнечных светлых, почти жёлтых волос, собранных в толстенную косу. И кожа у неё была совсем светлая с россыпью симпатичных крошек на курносом носике. Удивительные синие, как небо над её головой, глаза лучились лукавством.

– Кто ты? – восторженно выдохнул парень.

Она вдруг поняла, потупилась, произнесла совсем тихо.

– Алёна.

Житель пустынь просиял:

– Смотри, какие у нас имена похожие. Ты – Алёна, я – Али. Это судьба. Судьба... – задумался он, – вот и определилась моя судьба.

Она не понимала, весело щебетала по-своему, повторяла смешливо:

– Али... Али...

Не дав парню перевести дух, девушка схватила его за руку и потянула за собой. Ничего не понимающий Али бежал за ней. Весьма неохотно покинув голубые воды, верблюды семенит за ними. Пустынному жителю показалось, что они долго кружили среди буйной зелени и неожиданно оказались на круглой поляне. Али рот разинул от удивления. Уж слишком многое здесь поразило его. Первое, что он увидел, был широкий мощный поток воды, шумевший в нескольких шагах от него.

Глядя на его восторг, девушка звонко рассмеялась и показала рукой.

– Река.

– Река, – эхом повторил Али.

– Изба, – показала в другую сторону Алёна.

– Изба... – повторил парень, изумлённо уставившись на здоровенный дом, сложенный из толстенных стволов.

Жителю голых пустынь, где тройка пальм уже казалась зелёным богатством оазиса, невозможно было представить так много толстенных и громадных деревьев, чтобы из них можно было строить дома. Удивительных изб было много, больше десятка. Из них высыпали люди, все светлоголовые, как Алёна, с яркими синими глазами. Бородатые, кудрявые мужики показались щуплomu южанину громадными

исполинами. Свободные белые с красными узорами рубахи только делали их ещё больше. Женщины тоже были высоки и статны; к немалому удивлению жителя пыльных пустынь, они не прятали своих лиц, смотрели смело, прямо в глаза чужаку. Была здесь и сухонькая, сгорбленная старушка. И очень худой, долговязый дед с белой бородой до самых колен. Всюду сновали любопытные ребятишки. Все настороженно разглядывали незнакомого парня, удивлялись, переговаривались, но вскоре Али понял, что всеобщее внимание переключилось на другое. Он проследил, куда направлены изумлённые взгляды, и хмыкнул досадливо. Горбатый верблюд легко его затмил. Увидев новую воду, пустынный зверь ринулся к ней, сунул голову в поток и стал жадно пить, но вскоре в ужасе шархнул от воды. Кажется, местные рыбы тоже собрались поглазеть на небывалое чудо. Светлоголовые дружно засмеялись, осветили свои лица весельем. Али сразу почувствовал к ним симпатию, отпустил свою тревожную настороженность. Он махнул рукой на виновника веселья, пояснил, улыбаясь:

– Верблюд.

– Вер, – повторила Алёна только понравившуюся часть слова.

– Пусть будет вер, – охотно согласился парень.

Пустынному гиганту тоже понравилось его новое имя; издав радостный вопль, он побежал к хозяину. Али сам прыснул от смеха, глядя, как забавно шлёпал по траве величественно неспешный король пустынь. Судя по всему, утолив свою страшную жажду, верблюд ощутил мощь голода. Остановился, обвёл поляну томным взором, видимо, в поисках чахлого кустика верблюжьей колочки; не обнаружив ничего даже отдалённо напоминавшего его привычную еду, мгновение он пребывал в задумчивости, наконец, решился-таки попробовать то, что в изобилии росло под самыми ногами, и стал жевать траву. Она определённо пришлась ему по вкусу. Это недвусмысленно показали его радостно поднявшиеся уши и аппетитное чавканье.

Дорвавшийся до еды Вер вызвал улыбки на розовощёких лицах, но вопреки ожиданиям мнительного южанина, люди продолжали улыбаться друг другу и даже ему. Мягко и доброжелательно его повели к удивительным избам, дали большой кусок роскошно пахнувшего теплом и счастьем хлеба. Он совсем не был похож на привычные в пустыне лепёшки. Высокий, румяный с хрустящей корочкой и нежной пористой мякотью...

– Каравай, – ласково произнесла Алёна.

Парень хотел повторить новое слово, но не смог из-за набитого рта. Вышло странно. Девушка залиvisto рассмеялась, убежала куда-то и вернулась с кувшином молока.

– Запей.

Али жадно хлебнул. Здешнее молоко не было привычно жирным и густым. Вкусное, почти сладкое, пахнущее цветами, оно пилось легко и приятно. Изголодавшийся путешественник сам не заметил, как добрался до самого дна небольшого кувшинчика. Он протянул его Алёне.

– Можно ещё «запей».

– Это – молоко, – смеялась она, – потом.

– Молоко потом, – выговорил Али свою первую длинную фразу и расплылся в самодовольной улыбке.

Девушка одобритительно кивнула, она-то знала, как многому ему ещё предстояло научиться.

И началась для Али учёба. Никто не возражал, чтобы новичок остался в деревне, но каким же беспомощным он себя чувствовал, не умея ничего сделать и даже сказать об этом. Язык Али давался замечательно легко, стоило только правильно повторить незнакомое слово, и всё же парень лишился дара речи, когда Алёна протянула ему плетёные как корзины из жёлтой коры туфли.

– Лапти на ноги, – улыбнулась девушка.

Он взял удивительно лёгкую обувь и замер, уставившись на них, медленно произнёс загадочное:

– Ла-птя-и

– На ноги, – смеясь, показывала Алёна, – все носят.

Али уже знал, что такое «ноги», и видел, как обуты абсолютно все светловолосые жители деревни: и дети, и женщины, и мужчины, но...

– У нас такое не носят, я не могу. У меня есть туфли, – кинулся объяснять парень. Обеими руками указывая на свои ноги.

Алена только смеялась до слёз. Южанин любил её звонкий смех, но теперь обиделся. Конечно, его старенькие остроносые туфли совсем изорвались, но это же не повод так хохотать. Его надутые щеки насмешили её ещё больше.

– Видишь, – стал объяснять и показывать житель пустынь, – видишь, у моих туфель носы заострённые и загнутые вверх, это правильно «хорошо». А ваши «ла-птия-и» тупоносые, почти квадратные, это – не правильно «плохо».

Девушка посерьёзнела, нахмурилась, возмутилась грозно.

– А зима?!

– Зи-ма, – встревожился парень, – что это – «зи-ма»?

Алёна свела брови на переносице, произнесла грустно:

– Зима... – но махнула рукой, – потом.

– «Зи-ма потом»? – переспросил южанин.

Девушка кивнула. Али остался ждать зиму.

А пока он постигал премудрости жизни «в раю». Привык жить в большом деревянном доме, носить воду из ручья и муку из амбара, после этого хрустеть горячей корочкой каравая. Время шло, наконец-то было видно, как оно двигалось. Али постигал новое и привыкал к тому, как

избы образовали круг, где за глухими стенами поднимался лес, а двери смотрели в середину на один общий загон для животных. Это была настоящая изба, с мощной крышей, под которой мирно соседствовали такие знакомые ему рогатые козы и коровы. Разве, что они были гораздо упитаннее. Утром их выгоняли «пас-тись», и животные самостоятельно лопали сочную траву на поляне и пили из реки.

Верблюда пытались было отправить к остальным, но он заупрямился и, подчеркнуто независимый, всюду следовал за Алёной, его хозяин только смотрел, да удивлялся. Одного Али не мог понять, что такое «зима», и почему о ней все говорят с такой тревогой. А тут ещё появилось непонятное слово «о-о-сень».

– Что это – о-о-сень? – обратился парень к Алёне.

– Это не что, а когда, – странно ответила она.

– Когда? – настаивал он.

– Когда листья будут жёлтые.

Пустынный житель ничего не понимал. Вроде бы все слова были ему уже знакомы, но... Вокруг всё было таким замечательно зелёным. Обитатель вечных песков только-только сумел к этому привыкнуть и вдруг... С неба полилась вода.

– Дождь, – объяснила девушка.

Али и представить не мог, что воды может быть так много, что она так щедро льётся с неба. Зато он понял, для чего коровам и козам нужна крыша. Однако ему самому вовсе не хотелось прятаться от лившегося с неба счастья. Он, наоборот, выбежал на самую середину, раскинул руки и подставил лицо струям; весёлые живые капли стучали по листьям, весь лес шумел.

Но вскоре парень вымок до нитки, и свежий ветерок стал казаться очень холодным. Радостный Али забежал под крышу крыльца, восторженно смотрел на прекрасный мокрый мир. Стоявшая рядом Алёна загрустила, вздохнула.

– Вот и осень...

В этот вечер впервые затопили печь, и житель пустынь понял, какое ровное и доброе тепло дает это огромное на полдома сооружение. Раньше в ней только готовили еду, и парень всегда в это время был на улице.

Возле печи промокшая одежда сразу высохла, и он согрелся.

Вскоре Али понял, почему слово «о-о-сень» было таким грустным. Дождь шёл каждый день и ночью. Мелкий, надоедливый, он монотонно стучал по крыше. Даже гордый Вер стал жаться к коровам. Мокрый, под дождём он был особенно жалок. Чудные зелёные листья стали желтеть и полетели с высоких деревьев на землю, накрыв потускневшую траву золотым ковром. Весь лес оделся в яркое золото. Сырой воздух остыл, ветерок перестал быть ласковым. Ноги начали замерзать. Длинноносые туфли из тонкой кожи больше не спасали. Али безропотно согласился обмотать их «о-ну-ча-ми» и надеть лапти. Сразу стало тепло и удобно.

Лапти оказались лёгкими и не промокающими в дождь. Пригодился и полосатый стеганный халат. И всё же больше времени приходилось проводить в избе. Зато парень много узнавал нового, говорил сам, слушал других. Прохор – тот самый дед с длиннющей седой бородой – собирал вокруг себя ребятишек и молодёжь и рассказывал длинные истории о давних временах и о героических подвигах. Али нравилось слушать неспешные сказки, он быстро учил язык и вскоре уже болтал на любые темы. Однажды, когда небо очистилось и выглянуло солнце, Алёна объявила:

– Мы отправляемся собирать грибы.

– «Гри-ипы»?

– Только мы далеко пойдём. На дальнюю лесную пасеку.

Али кивнул, а про себя отметил, что далеко, значит долго, спросил тоскливо:

– А если дождь?

– Там есть изба с печью, – успокоила девушка.

Она ушла, парень неожиданно загрустил, даже рассердился.

– Какие «гриппы»? Зачем ещё «гриппы»? Их уже и так куча, – хмурился он, – солёные, сушёные, варёные, жареные. Надоело!

Южанин ворчал, но тревога не проходила. Он почти не удивился, когда увязавшийся за Алёной верблюд вернулся один, а прибежавшие следом девушки заголосили:

– Дерево! Дерево упало! На Алёну!! Придавило! Спина! А-а-а! Помогите!

Дед Прохор махнул морщинистой лапищей.

– Тихо все! Одна говори. Что случилось?

Девушки кусали кулачки, плакали. Та, что постарше, стала объяснять, но так торопливо и сбивчиво, что Али ничего не мог разобрать. Зато Прохор всё понял, свёл на переносице седые кустистые брови, скомандовал скрипуче:

– Так, её трогать нельзя, пусть лежит там на пасеке... – помолчал, погладил белую бороду. – Надо кому-то с ней там жить, печь топить, ухаживать. Кому? Кому? – обвёл взглядом всех поселян, совсем помрачнел. – Плохо, плохо... Мать... нельзя, у неё ещё пятеро детей. Кто? Кто в лес пойдёт на всю зиму?

– Я...

Али решительно шагнул вперёд. Снова понял не всё. Он знал главное – Алёна жива, но ей нужна помощь.

На парня все уставились изумлённо, словно впервые увидели. Дед Прохор поднял брови, потом сказал решительно.

– Молодец. Так тому и быть. А мы раз в неделю навещать будем, продукты привозить.

– И сено для Вера, – хихикнула прятавшаяся за мать глазастая девочка.

– И сено, – осклабился дед.

На лесную пасеку двинулся целый караван. Верблюды хотели было возглавить шествие, но в мгновение ока были нагружены поклажей. Больше всего жителей пустынь поразили «ту-лу-пы» из овчины, меховые шапки и «ва-лен-ки». Вер шарханулся от огромного лохматого тулупа. Али смотрел на все это с ужасом.

– Зачем?

Ответ напугал его ещё больше.

– Для зимы, – страшно сощурился Прохор.

Али сжал зубы, твёрдо решил надеть всё это и напугать злую зиму.

По лесу шли долго, почти полдня. Деревья уже совсем лишились золотой листвы и ветер качал тонкие голые ветви. Зелёными остались только странные деревья с иглами вместо листьев. Но и они потемнели и погрузнели, словно ждали чего-то. Лес замер – тихий и прозрачный.

– Пришли, – объявил грузно шагавший впереди Прохор.

Али увидел несколько бревенчатых домиков и бегом бросился к тому, из трубы которого струился дымок.

– Алёна!

Девушка лежала на широкой лавке под ворохом тёплых вещей. Такая незаметная, такая бледная. Она слабо улыбнулась, протянула руку. Он взял её маленькую ладонь, и весь остальной мир сразу исчез.

– Плохо? – сочувственно спросил Али.

– Теперь уже всё хорошо, – едва слышно вздохнула она, – я очень боялась остаться одна или пришла бы тётка Фёкла, она одинокая, но с ней плохо. Она злая... Хорошо, что ты пришёл... – она смолкла, потом стала объяснять, – я увлеклась, собирала последние опята.

– Плохие «о-пя-та», – сурово изрёк парень.

– Опята хорошие, – улыбнулась девушка, – и ты очень хороший... А Вер тоже пришёл? – спросила она.

– Здесь, – расплылся в улыбке Али, – как же без него.

– Надо устроить его в старом зимнике, – переживала Алёна.

Парень кивал согласно.

– Ты лежи, лежи, поправляйся. Я всё сделаю.

Она устало опустила ресницы, заснула. Али выпустил её руку, вышел на крылечко, вдохнул лесной свежести.

«Рай! Только и в раю надо быть человеком», – подумал недавний житель пустынь.

В раю со светло-серого неба красивыми кружевными хлопьями падал ослепительно-белый сахар. Только на вкус он был не сладкий и очень холодный. Он прятал всю грязь под своим чистым белым покрывалом...

Из библиографии ЧЕРНЫШЕВОЙ Анны Анатольевны

Босиком за Василисой : [сказочная повесть] / Анна Чернышова // Люди в квадрате : проза «Контакта» / сост. Н.Н.Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 275 – 289 ; *то же*: сказка / Анна Чернышева // Путиами старых сказок : старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 29–41.

Гимн XX веку : [стихотворение] / Анна Чернышева // Сельские вести. – 2004.– 4 августа (№ 93). – С. 3.

Память : [стихотворение] / Анна Чернышева // Сельские вести.– 2006. – 8 сентября (№ 103–104). – С. 7.

Голубок : рассказ / Анна Чернышева – Новокузнецк, 2008. – 28 с.

Будущие воспоминания / Анна Чернышева – [Без города]; [Без года] (Новокузнецк, 2008). – Содержание : За приданое королевы Марии ; Солнечная улица ; Серенада ; Последняя ошибка ; Цыганское счастье ; Прости, Господи! ; Каждому своё ; Иконописец ; Память металла ; Счастливый неудачник ; Если бы не клятва ; Муж мачехи ; Бог решает молча ; Казачья вольница ; Смерть тиранам ; Радуга ; Женщина на корабле ; Ревность ; Плащ тамплиера ; Буря и штиль : (исторические и мистико-исторические рассказы).

Память металла : [рассказ] / Анна Чернышева // Усятская россыпь. – Май 2010. – № 7. – С. 40–41.

«Муэдзину муэдзин...» ; Принц ; Пиратская песенка ; Гимн 20 веку ; Победителю ; «Что-то забывать начинаю...» ; «Не дразни врага напрасно...» ; «Прошло и больше не болит...» ; Разбойничья поминальная ; «Хоть море вечное бескрайне...» ; «Роскошно жить не запретишь...» ; «Со смертью состязаться, право...» ; «По млечному пути, как по огню...» ; «Нет, слезы не живительная влага...» ; «Безвременье спустилось на землю...» ; «Звездной пыли роскошь...» ; Память ; «Шли по лужам сапоги...» ; «Сегодня я играю роль иную...» ; «Мне зеркало то льстит, то удивляет...» ; Колыбельная для грешника ; «Я боюсь: быстроты падения...» ; Пожеланье ; Вопрос ; Посвящается молодым поэтам... : [стихи] / Анна Чернышова // На руках луна свернулась : стихи / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 76–85.

После дождя : рассказы / Анна Чернышева ; сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 68 с. : ил., портр. – Содержание : Память металла ; Улыбка Алексея Михайловича ; Кто есть кто ; Тонкая шпага ; После дождя : рассказы.

Женщина на корабле : [рассказ] : [не фантастич.] / Анна Чернышева // Сфинкс. – Вып. 28. – СПб: Астерион, 2011. С. 101–109.

Весёлая неделька ; Месяцы года ; Считалочка : [стихи] / Анна Чернышова // Детская литература. Книга третья. – М.: Литературный клуб, 2011. – С. 204–208.

Солнечная улица ; Последний бой рядового Васильева : [рассказы] : [не фантастич.] / Аня Чернышева // Писатель года 2011. Книга девятая. – М.: Литературный клуб, 2012. – С. 75–80.

«Бесконечно мир прекрасен...» ; «Торопился, был весь в мыле...» : [стихи] / Анна Чернышова: [в статье О.Беспаловой «Сделать мир чуточку светлее...»] // Кузнецкий рабочий.– 2012. – 15 ноября (№ 131). – С. 5.

Жалоба : [микрорассказ] / Анна Чернышева // Найти слова : рассказы о творчестве / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н. Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – С. 68.

Средство от депрессии : [рассказ] / Анна Чернышова // Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются : конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «КОНТАКТ» / сост. и отв. за выпуск – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2013. – С. 124–128.

Женщина на корабле : авантюрные истории / Анна Чернышева. – М.: Авторская книга, 2013. – 66 с. – Содержание : Женщина на корабле ; Счастливый неудачник ; Казачья вольница ; Прости, Господи! : рассказы.

Родина : [эссе] / Аня Чернышева // Каталог современной литературы. XXVI ММКВЯ. – М.: Литературный клуб, 2013. – С. 147–147.

Чужие боги : роман : часть первая / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 84 с. : ил., портр.

Чужие боги : роман : часть вторая / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 84 с. : ил.

Чужие боги : роман : часть третья / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 72 с. : ил.

Николкино лето : [рассказ] / Анна Чернышева. – М. : Авторская книга, 2014. – 40 с. – [Нефантастический].

Память : [стихотворение]; Последний бой рядового Васильева : [рассказ] : [не фантастич.]; Рационализаторское предложение : [минирассказ] / Аня Чернышева // Российские писатели : книга пятая. – М.: Литературный клуб, 2014. – С. 216–221.

Дезертир : рассказ / Аня Чернышева // Георгиевская лента : книга вторая. – М.: Литературный клуб, 2015. – С. 67–71.

Бог решает молча : рассказы о войне / Анна Чернышева ; составитель [и ответственный за выпуск] – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 36 с. : ил., портр.

Оглавление

Танюша.....	4
Мопс.....	8
Эрера.....	14
Средство от депрессии.....	28
Улыбка Алексея Михайловича	33
После дождя.....	46
Рай.....	56

Тираж 50 экз.